

Морская летопись

ГЕРОИ
РУССКОГО
БРОНЕНОСНОГО
ФЛОТА

В.В. Шигин

Морская летопись

Владимир Шигин

**Герои русского
броненосного флота**

«ВЕЧЕ»

2012

Шигин В. В.

Герои русского броненосного флота / В. В. Шигин — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Морская летопись)

Новая книга известного российского писателя-мариниста Владимира Шигина посвящена офицерам и адмиралам эпохи парового и броненосного флота России второй половины XIX века. Эти люди совершили немало подвигов во имя России, но ныне незаслуженно забыты потомками. Среди героев книги: командир «спецназа» Первой Севастопольской обороны 1854–1855 годов лейтенант Н. Бирилев, впоследствии поднявший Андреевский флаг над островом Цусима. Адмирал С. Лесовский, который, не сделав ни одного выстрела, выиграл для России две войны. Герой Крымской войны и основатель новой броненосной тактики адмирал Г. Бутаков. Командир катеров с шестовыми минами в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов лейтенант И. Зацаренный, первым в истории потопивший торпедой неприятельский корабль, и другие.

© Шигин В. В., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Этот неистовый Бирилев	6
Пламя Синопа	7
На бастионах	13
Флигель-адъютант императора	21
Дела Восточные	23
Эскадра особого назначения	25
От Кронштадта до Хакодате	29
Остров посреди Корейского пролива	32
Андреевский флаг над Цусимой	38
Круги на воде	40
Дорога домой	45
Зять поэта	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Шигин

Герои русского броненосного флота

©Шигин В.В., 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Памяти моего друга, подводника Северного флота и талантливого писателя-мариниста Сергея Ковалева посвящаю эту книгу

Этот неистовый Бирилев

Каждый вечер безумец точил свою выдавшую виды саблю, а когда смеркалось, одевал мундир, фуражку и бесшумно спускался в сад. Далеко в глубине зарослей под лунным светом едва угадывался поросший чертополохом холм. Туда крадучись он и пробирался. Когда же до холма оставалось несколько десятков метров, безумец выхватывал саблю и с криком «За мной ребята!» бросался вперед, безжалостно кромсая налево и направо заросли бурьяна. Слыша этот боевой клич, дворовые крестьяне привычно крестились:

– Никак «наш» снова на бастиен воевать пошел!

Устав от атаки, безумец приходил в себя, а потом так же бесшумно возвращался в дом. Разоружившись, он долго смотрел на висевший на стене портрет улыбающейся молодой женщины, и скупые слезы текли по его впалым щекам. Звали «старика» Николаем Алексеевичем Бирилевым, и было ему чуть больше сорока лет...

Пламя Синопа

Бирилевы – род дворянский, но не слишком знатный. Происходит он от двух сыновей Петра Бириулева – Нечая да Михаила, что были верстаны поместьями в Углицком и Устюжском уездах в середине XVI века. Потомство Нечая Петровича и было внесено в родословную книгу Тверской губернии, но не в шестую (главную) ее часть, а во вторую, по непредставлении документов о древности рода.

Родился наш герой в морозном декабре 1829 года в сельце Бирилево Тверской губернии. Отцом его был мелкопоместный дворянин Алексей Иванович Бирилев, мать Степанида Ивановна. Много лет спустя в графе «Имеет ли за собой какое имущество» в послужном списке Бирилева будет значиться лаконично: «Без недвижимого имущества».

Когда же штабс-капитан вернулся с турецкой войны с Владимиром в петлице и перебитой ногой, его уже встречала жена с первенцем. Хозяйство у Бирилевых было небогатое, а потому жили скромно. После Коленьки семейство Бирилевых пополнилось сестрой Анной и младшим братом Лешкой. Настала пора определять первенца на учебу. Связей в столице у папеньки с маменькой особых не было. А так как недорослей дворянских из Твери охотно брали в Морской корпус, то по достижении десяти годков Николенку туда и отправили. О том, как учился Бирилев в Морском корпусе, нам неизвестно. Наверное, так же, как все: грыз науки, штудировал лоции и изучал эклиптики светил, дрался со сверстниками и подшучивал над преподавателями и корпусными офицерами.

В августе 1845 года его производят в гардемарины и отправляют на практику на Черноморский флот. Там же через два года он получает и мичманский чин. Экзаменовал его сам адмирал Лазарев и ответами новоиспеченного мичмана остался доволен. Затем начались корабельные будни. Черноморский флот в ту пору много плавал. Особенно доставалось в осенне-зимних крейсерствах у кавказского побережья, где наши суда сторожили контрабандистов.

Бирилев не вылезал из морей. В его послужном списке меняются только названия судов: фрегат «Кагул», линейный корабль «Селафаил», пароход «Боец». И пусть маленький «Боец» неказист после огромного линкора, зато на нем Бирилев уже стоит самостоятельную вахту – вахтенным начальником, да и машину паровую изучает, пригодится. На «Бойце» мичман ходил по укреплениям Черноморской береговой линии до Керчи.

Характер у Бирилева был непоседливый, а потому он постоянно напрашивался в охотники в береговые отряды, посылаемые для усмирения прибрежных горцев. Там-то впервые услышал он свист пули у виска, поучаствовал в рукопашной сшибке, получил первые уроки ночных вылазок.

Затем были перевод на пароход «Эльбурус» и снова рейсы между крымскими и кавказскими портами. После этого опять перевод на фрегат «Кагул» и плавание с десантными войсками между Севастополем и Одессой, затем Бирилев крейсировал у восточных берегов Черного моря.

– Ну и служба у меня – продыхнуть некогда! – говорил он при встрече друзьям-однокашникам.

– Ты бы списался на какой-нибудь плашкоут портовый! Не все же время по волнам шастать, надо и отдохновиться.

– А мне нравится! – задрал на затылок фуражку Бирилев. – Чего в гавани киснуть, когда вокруг столько интересного!

Но дружки как в воду глядели. В один из дней в севастопольскую портовую контору его вызвал хмурый вице-адмирал Станюкович.

– Слышал я, мичман, что ты машинами уайтовскими увлечен и «самоварами» очарован! – сказал недобро.

«Самоварами» старые марсофлоты презрительно именовали первые неуклюжие пароходы за их кургузость и вечную грязь.

– Морскому офицеру обо всем понятие иметь надобно! – ответил мичман дипломатично. Станюкович глянул исподлобья:

– Вот тебе командировочная бумага. Поедешь в Москву, глянешь там, как исполняется заказ на постройку пароходов для края Новороссийского.

В Москву Бирилев съездил и заказ проверил. Разумеется, там и конь не валялся. От взятков купеческих мичман наотрез отказался и, вернувшись, доложил, что заказы подрядчики исполняют спустя рукава, а цены сильно вверх задирают. Все в рапорте изложил и по начальству передал.

– Куда мне теперь? – спросил.

– Ступай на корвет «Пилад», он как раз в крейсерство кавказское готовится.

Спустя несколько дней Бирилев был в море. В том походе он снова вызвался охотником с матросами в десантный отряд, снова удачно отогнал черкесов в нескольких жарких схватках и вернулся, не потеряв ни одного человека. Тогда о мичмане заговорили не как о храбрце (кого этим на Черноморском флоте удивишь?), но и как о везунчике.

В апреле 1853 года Бирилева произвели в лейтенанты. Тогда-то на него положил глаз младший флагман дивизии контр-адмирал Панфилов.

– Будешь при мне флаг-офицером! – объявил он Бирилеву. – Мне шустрые да везучие по душе!

Всю весну и лето 1853 года Бирилев вместе с Панфиловым менял корабли. За «Ягудиилом» – «Великий князь Константин», за «Константином» – «Двенадцать Апостолов». И снова крейсерства, крейсерства, крейсерства...

Незадолго до войны мать повесила своему первенцу ладанку с молитвой «Живые в помощи», как оберег от гибели.

– Единственно, почему я выжил, только благодаря маминым молитвам! – делился впоследствии он с товарищами самым сокровенным.

С объявлением войны с Турцией забот прибавилось. Эскадра Панфилова составляла теперь резерв основными эскадрами Нахимова и Новосильского.

Когда же в начале ноября вице-адмирал Корнилов решил собрать в единый кулак все пароходы и поднял свой флаг на пароходофрегате «Владимир», то контр-адмиралу Панфилову было велено поднять флаг на пароходе «Крым», вместе с ним туда перебрался и Бирилев.

Затем начались блокада эскадрой Нахимова турецкой эскадры в Синопе и знаменитый бой Корнилова на «Владимире» с турецким пароходом «Перваз-Бахри». Турок был пленен, но и «Владимир» пострадал, а потому, приведя пленника в Севастополь, Корнилов перенес свой флаг на пароход «Одесса» и вместе с «Крымом» поспешил к Синопу на помощь Нахимову.

К вечеру 17 ноября отряд Корнилова был уже недалеко от берегов Турции. На рассвете 18 ноября пароходы подходили к Пахиосу, но именно здесь, всего в пятнадцати милях от Синопской бухты, они вынуждены были застопорить машины, так как «за мрачностью и дождем ничего не было видно».

– Теряем драгоценное время! – Корнилов, нервничая, ходил взад-вперед по ходовому мостику.

На мостике «Крыма» не меньше нервничал седобородый Панфилов.

Погода несколько прояснилась лишь в половине одиннадцатого утра.

К полудню пароходы вышли с севера к Синопскому полуострову с северной стороны. Едва открылась бухта, как на ее рейде обозначился частокол мачт нахимовской эскадры. А спустя несколько минут грянула канонада. Было очевидно, что Корнилов опоздал, причем опоздал всего на какой-то час-полтора. Эскадра Нахимова уже вступила в сражение с эскадрой Осман-паши. С пароходов видели всплески от ядер, перелетавших через перешеек на север-

ную сторону. Наши пароходы заметили с береговой батареи и обстреляли, но из-за большой дистанции безрезультатно.

– Курс в бухту! – приказал Корнилов. – Кажется, мы немного опоздали, но не настолько, чтобы наша помощь не оказалась нужной! Наши пароходы сейчас Павлу Степановичу особо необходимы!

В этот момент пароходы были замечены и с «Императрицы Марии».

– Три парохода! Следуют курсом на Синоп! – раздался крик вахтенного начальника.

Стоявший на шканцах Нахимов оглянулся. На траверзе мыса Боз-Тепе были отчетливо видны три парохода. По тому, какими клубами валил из их труб дым, было очевидно, что пароходы выжимают из своих машин все возможное.

– Это еще что такое? Неужели турки, а может быть, англичане? – Вице-адмирал был не на шутку встревожен.

Пароходы между тем быстро приближались, и напряжение по мере этого на шканцах флагманской «Императрицы Марии» возрастало.

– На головном пароходе контр-адмиральский флаг! Это «Одесса»! – прокричали с салинга.

– Ну, слава Богу! – Нахимов снял фуражку и перекрестился.

Как раз в это время державшийся за боевой линией турецкий пароходофрегат «Таиф» кинулся на прорыв. Командовавший им англичанин Слэйд, поняв, что дело начисто проиграно, решил спастись хотя бы самому.

Дав полный ход, «Таиф» умело пользуясь дымовой завесой, проскочил между берегом и «Ростиславом». На выходе из бухты ему преградили путь лежащие в дрейфе «Кагул» и «Кулевчи».

Однако и здесь Слэйд оказался на высоте. Отчаянно маневрируя, он обошел наши парусные фрегаты. Дистанция до «Таифа» и его преимущества в маневре не оставляли фрегатам никакого шанса на успех перехвата.

Однако не все еще было потеряно. Именно в это время из-за мыса появилась «Одесса», а следом за ней «Крым» и «Херсонес».

Не теряя времени, «Одесса» пересекла курс «Таифа» и бросилась за ним в погоню.

– У «Таифа» двадцать пушек, в том числе и бомбические, против наших шести! – прокричал в рупор контр-адмирал Панфилов наблюдающему за турецким пароходом Корнилову. – Не рискуем ли?

– Пустое! – махнул тот рукой. – Сейчас главное – догнать, а там можем и на abordаж сойтись! Да туркам сейчас не до правильного сражения, их задача – унести ноги!

Бирилеву было велено возглавить abordажную команду «Крыма». С саблей на боку и двумя пистолетами за поясом, лейтенант расхаживал по палубе парохода, надеясь, что и ему сегодня выпадет шанс отличиться. Вместе с ним мичман Николай Красовский.

Пройдут годы, и герой Севастопольской обороны, георгиевский кавалер лейтенант Николай Иванович Красовский станет любимым учеником Айвазовского и одним из выдающихся отечественных скульпторов и писателей-живописцев.

Тем временем, обнаружив «Одессу», Слэйд неожиданно сбавил скорость и взял курс прямо на нее, явно намереваясь вступить в поединок.

Расклад сил был и вправду не в нашу пользу. «Таиф» располагал закрытой батареей, имея два 10-дюймовых, четыре 36-фунтовых и шестнадцать 24-фунтовых орудия против двух 10-дюймовых и четырех 24-фунтовых каронад «Одессы». Проигрывал наш наскоро вооруженный пакетбот и в скорости, имея 8,5 узла против 10 узлов. Однако, когда появились «Крым» и «Херсонес», командир «Таифа» решил уклониться от боя и взял курс на Трапезунд. Корнилов вновь увлекся погоней, подняв на «Одессе» сигнал «Взять неприятеля в два огня», и пароходы

направились наперерез «Таифу». «Одесса» шла под всеми парами и парусами; сблизившись с противником на пушечный выстрел, русские моряки открыли огонь.

Трудно сказать, чем бы закончился этот поединок, но, еще не сблизившись с «Одессой», Слэйд вовремя обнаружил еще два парохода – «Херсонес» и «Крым». На мачте «Одессы» трепетали сигналы «Держаться соединенно» и «Взять неприятеля в два огня». Оценив ситуацию, Слэйд сразу же развернул «Таиф». Теперь турецкий пароходофрегат, форсируя машины, старался как можно быстрее оторваться от наших пароходов.

– Дайте ему в разлуку! – крикнул в раздражении артиллеристам Панфилов.

Сразу несколько ядер, яростно подвывая, понеслись к цели. Секунда – и с треском рухнули мачты, истошно завопили обезумевшие турки...

Корнилов стоял на площадке «Одессы», поминутно вглядываясь в трубу на убежавшего противника, нет ли попаданий. Затем оглядывался назад – близко ли «Крым» и «Херсонес»? «Крым» пока не отставал, а вот «Херсонес» отдалялся все больше и больше. От нетерпения команда «Одессы» казалась Корнилову не обученной стрельбе из орудий на ходу судна. Вице-адмирал нервничал. Над головой его свистели бомбы и ядра турок, но он думал не о них, а о том, что, как только подойдет поближе «Крым», надо будет свалиться с турком на бордаж.

«Крым» постепенно начал сокращать дистанцию, хотя и крайне медленно. Время уже приближалось к трем часам: не менее как полтора часа длилась погоня за турецким пароходом. Затем из труб «Таифа» повалил очень густой дым, судя по всему, пароход прибавил ход и пошел в отрыв.

Между тем начался сильный дождь. Понемногу стало темнеть. Корнилов слышал редкие выстрелы «Крыма», но не было слышно ответных выстрелов противника, и это его поразило вдруг.

– Сдается? Спустил флаг? – спрашивал он у Бутакова.

– Увы, ваше превосходительство, пароход прекратил пальбу и уходит!

– Как уходит? – изумился Корнилов, еще не в силах поверить, что удача в этот день его обманула.

– Уходит на всех парах!

Погоня еще продолжилась, но с каждой минутой становилась все более безнадежной. Затем еще более усилившийся дождь вообще закрыл на некоторое время «Таиф», а когда прояснилось, турецкий пароход оказался уже вне досягаемости для выстрелов. Слэйд уходил в сторону Трапезунда.

Через каких-то полчаса турецкий флаг скрылся за горизонтом.

Поняв, что беглеца ему уже не догнать, Корнилов решил идти на помощь сражающейся эскадре.

– Поворачиваем на Синоп! – с досадой велел он.

На пароходных палубах офицеры обменивались впечатлениями. Бирилев зло швырнул саблю в ножны:

– Этак и война закончится, и подраться не удастся!

– Ничего, Коля, все еще только начинается. Крови еще много прольется! – покачал головой услышавший своего флаг-офицера Панфилов.

А в Синопской бухте уже один за другим взлетали на воздух турецкие суда. Сражение подходило к победному концу.

К вечеру Синопская бухта представляла собой печальное зрелище. Турецкие суда лежали на мели и горели. Когда огонь добирался до крыйт-камер, они взлетали на воздух. Вдоль берега валялись десятки и сотни убитых турок. Отовсюду раздавались стоны раненых, едва успевших выбраться с погибших кораблей. «Мы видели у берега остатки и раскиданные обломки взорванных на воздух судов и среди них массу трупов. По мере нашего приближения живые турки, занятые разграблением убитых товарищей, покидают свою добычу и уползают с награбленным

имуществом», – писал очевидец. В беспорядочном нагромождении лежали груды ядер, разбитые пушки, всюду царили смерть и разрушение.

От горящих обломков взрывающихся в близости от берега судов пожары в городе увеличивались с каждой минутой. В исходе пятого часа на «Императрице Марии» взвился сигнал: адмирал приказывал осмотреть уцелевшие неприятельские суда, перевезти пленных и озаботиться о раненых. Шлюпки с вооруженными матросами немедленно направились к турецким фрегатам и корветам, приткнувшись к берегу, чтобы попытаться спасти то, что еще можно было спасти. На одной из шлюпок, не утерпев, отпросился сходить к горящим турецким судам и Бирилев.

Между тем начало смеркаться. Над Синопской бухтой вздымались пожары. От них было светло, как днем. В ту ночь, как на русской эскадре, так же, как и на берегу, никто не спал. Всю ночь наши пароходы были заняты отводом на буксире плававших турецких судов, чтобы с переменю ветра их не нанесло на эскадру. Ночь прошла, к удивлению всех, спокойно. Несмотря на дождь, на берегу продолжались пожары.

Итак, сражение было закончено. Но теперь эскадре надо было добраться до Севастополя. Повреждения же кораблей были немалыми. Наиболее разбитой турецкими ядрами оказалась, разумеется, «Императрица Мария», принявшая на себя в начале боя всю ярость вражеского огня.

«Я уговорил начальника эскадры, – писал Корнилов, – пересесть на корабль “В. кн. Константин”, который хотя и потерпел, но не в такой степени, как корабль “Императрица Мария”».

Спустя пару часов с «Константина» были сделаны следующие распоряжения по эскадре: «Кораблям “В. кн. Константин”, “Париж”, “Три святителя”, “Ростислав” и “Чесма”, имея при себе пароходы “Одесса” и “Херсонес”, составить передовой отряд; корабли “Париж” и “Чесма”, как совершенно сохранившиеся, будут служить конвоем другим, отправляющимся не под полным вооружением; корабль “Императрица Мария”, требовавший особенных исправлений, поручен контр-адмиралу Панфилову; он на пароходе “Крым” с фрегатами будет конвоировать корабль».

Разумеется, не обошлось без нервотрепки. Едва «Императрица Мария» вышла в открытое море, едва ее хорошо качнуло, как разбитый корпус сразу же дал серьезную течь. Даже поставив дополнительные каттенс-помпы, едва успевали откачивать. Пришлось «Марию» снова заводить в бухту, клепать трюма и вбивать в пробоины новые заглушки. На все это надо было время. Чтобы не задерживать остальные корабли, Нахимов с Корниловым решили оставить при «Марии» отряд судов: пароход «Крым» в качестве буксира и фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» для охраны. Командиром этого импровизированного отряда определили контр-адмирала Панфилова, который тут же перебрался на «Марию».

«Императрица Мария» шла с грот-брам-стенгой вместо грот-стенги, с грот-марса реем вместо грота-рея. Перебитые ванты и штаги заменяли более тонкими снастями. Все было сделано временно, наскоро, а потому очень ненадежно. Вместе с Панфиловым Бирилев все время без сна и отдыха был на шканцах «Марии».

Утром 22 ноября ветер наконец-то несколько стих. Пароходы вновь взяли корабли на буксир. Когда буксировавший «Марию» «Крым» догнал линейный корабль «Константин», то Нахимов поднял сигнал: «Благодарю контр-адмирала Панфилова».

В Севастопольскую гавань эскадра входила при огромном стечении народа и несмолкаемых криках «ура».

За Синопское сражение Бирилев по представлению Нахимова был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с бантом. Представляя лейтенанта Бирилева к награде, вице-адмирал Нахимов писал: «Находясь при контр-адмирале Панфилове. С отличным присутствием духа и точностью исполнения его приказаний».

Тогда же лейтенанта официально назначили адъютантом командира 1-й бригады 4-й флотской дивизии контр-адмирала Панфилова. По существу, адъютант в то время исполнял обязанности начальника штаба, так что новое назначение Бирилева следует считать значительным повышением.

В начале 1854 года на пароходофрегате «Крым» Бирилев выходил в море для наблюдения за англо-французским флотом противника. А 3 июля он участвовал на том же «Крыме» в составе отряда париходов в знаменитой перестрелке с тремя неприятельскими судами.

После начала осады Севастополя союзниками началась и блокада порта с моря. Чтобы противник не прорывался в бухту, наши моряки затопили на входе несколько кораблей и фрегатив. Остальные корабли заняли позиции для усиления обороны. Большая часть офицеров была списана на берег. Разумеется, нетерпеливый Бирилев тоже туда просился, но Панфилов его не отпустил, а определил исполнять должность старшего офицера на линейный корабль «Ягудиил». И хотя «Ягудиил» стоял на якорях на внутреннем рейде и на выход в море для сражения с неприятелем уже никакой надежды не было, все равно старший офицер есть старший офицер.

На бастионах

Однако Бирилев не был бы Бирилевым, если бы в конце концов не добился своего. Выбрав удобную минуту, он обратился напрямую к Нахимову:

– Ваше превосходительство! У меня немалый опыт боев в горах кавказских, почему же мне сидеть теперь на «Ягудииле», когда я могу на бастионах немалую пользу принести!

– Экий ты настырный, Бирилев! – только и хмыкнул вице-адмирал.

Назавтра на линейный корабль пришел приказ об откомандировании лейтенанта Николая Бирилева на бастион № 3.

С собой лейтенант забрал и отчаянного марсового Игнатия Шевченко, к которому уже давно испытывал симпатию. Среди марсовых трусов не бывает, ибо место на самой верхушке мачты, у проносящихся мимо туч. В дождь и снег, ветер и шторм они взбираются на головокружительную высоту. И первым всегда на «Ягудииле» взбирался по обледенелым вантам Игнатий. Сам командующий эскадрой вице-адмирал Нахимов за лихость и молодечество жаловал его рублем серебряным. Матросов «Ягудиила» по бастионам не распределяли, зато почти ежедневно команду строили на шканцах и выкликали охотников в ночные вылазки. Далеко не все возвращались на корабль, однако каждый раз от желающих отбоя не было... Среди тех, кто не пропустил ни одной вылазки в стан неприятеля, был и матрос Игнатий Шевченко.

– Ухожу на бастион! – сказал марсовому лейтенант. – Пойдешь со мной?

– Конешное дело, ваше благородие, счас вмиг соберусь!

Начальствующий над бастионом капитан 2-го ранга Попандопуло встретил Бирилева приветливо. Черноморский флот не столь велик, и все офицеры хоть немного, но друг друга знают.

– Ну, здравствуй, Николая! Рад, что мне именно тебя прислали. Мне везучие нужны! Ты уж извини, но должность у меня для тебя осталась только одна – убойная – заведующим аванпостами против бастиона.

– А что с предшественником? – поинтересовался лейтенант.

– Убит. Да и его предшественник тоже три дня прожил! Я же говорю, что место убойное. Ты можешь отказаться!

– Напротив! – остановил его жестом Бирилев. – Это то, что мне надо! Я согласен!

Из послужного списка Н.А. Бирилева: «Поступил в состав Севастопольского гарнизона с назначением заведовать аванпостами против бастиона № 3 9 (21) сентября 1854 г., причем выезжал за городскую черту с 25 казаками и участвовал в стычках с неприятельскими разъездами каждую ночь с 25 сентября (7 октября) 1854 г.».

Пришлось Бирилеву пережить и первый день первой бомбардировки. В тот день 5 октября на бастионе творилось нечто невообразимое. Ядра и бомбы сыпались с неба непрерывно. Смерть царила повсюду. Вскоре осколком бомбы был ранен Попандопуло. Наскоро перевязав рану, он продолжил руководить обороной бастиона. И вскоре был ранен вторично, на этот раз уже смертельно. Капитана 2-го ранга отнесли в госпиталь, где, умирая, он успел проститься с сыном. В командование бастионом вступил капитан-лейтенант Лесли. Прибыл на бастион и начальник артиллерии дистанции капитан 1-го ранга Ергомышев. Возле орудий был и Бирилев. Несмотря на царящую вокруг смерть, прятаться в блиндажах было нельзя. Никто не знал, чем закончится бомбардировка: может, ничем, а может, генеральным штурмом. В любую минуту французы могли кинуться на приступ, а потому и артиллерийская прислуга и стрелки должны были быть на своих местах, в готовности отразить атаку. А затем очередная бомба поразила пороховой погреб. В вихре взрыва погиб капитан-лейтенант Лесли, тяжело контужен Ергомышев. Последний час бомбардировки полуразрушенным бастионом командовал уже Бирилев. К счастью, в тот день на штурм Севастополя союзники не решились. Трудно

представить, чем закончился бы штурм, так как на третьем бастионе к концу бомбардировки из двадцати двух орудий невредимыми остались только два. Потери в людях исчислялись многими сотнями.

В историю Севастополя третий бастион вошел под наименованием «Честный», так называли его защитники города. Почему «Честный»? Наверное, потому, что там стояли насмерть люди чести. Союзники уважительно звали третий бастион «Большим Реданом», придавая ему особое, почти мистическое значение, но до самого последнего дня обороны никто из них так и не вступил за его бруствер.

Практически все вылазки Бирилева были на редкость дерзкими и удачными. Поэтому с каждым разом начальство доверяло в его распоряжение все больше охотников-добровольцев. Если в первую вылазку с ним пошло 150 человек, то в следующую уже за три сотни.

Севастопольские бастионы были укомплектованы прежде всего моряками и напоминали по организации корабли. Офицеры и матросы не хотели отвыкать от своих флотских порядков, поэтому на бастионах были «вахтенные по батарее», а не «дежурные», как в армейских подразделениях.

Подъем патриотизма и готовности к самопожертвованию у офицеров, матросов и солдат Севастопольского гарнизона был небывалый.

20 ноября 1854 года, из письма артиллерийского офицера Л.Н. Толстого брату: «Город осажден с одной стороны, с южной, на которой у нас не было никаких укреплений, когда неприятель подошел к нему. Теперь у нас на этой стороне более 500 орудий огромного калибра и несколько рядов земляных укреплений, решительно неприступных. Я провел неделю в крепости и до последнего дня блудил, как в лесу, между этими лабиринтами батарей. Неприятель уже более трех недель подошел в одном месте на 80 сажень и не идет вперед; при малейшем движении вперед его засыпают градом снарядов. Дух в войсках выше всякого описания. Во времена Древней Греции не было столько геройства. Корнилов, объезжая войска, вместо “Здорово, ребята!” говорил: “Нужно умирать, ребята, умрете?” – и войска отвечали: “Умрем, ваше превосходительство, ура!” И это не был эффект, а на лице каждого видно было, что, не шутя, а взаправду, и уже 22 000 исполнили это обещание».

Не сразу, а постепенно под началом Бирилева сформировался отряд самых отчаянных храбрецов, тех, кому и сам черт не брат. Имена некоторых из них остались известны потомкам: Петр Кошка, Игнатий Шевченко из 30-го флотского экипажа, Петр Ананьин, боцман 38-го флотского экипажа, матрос Петр Заика из 40-го экипажа...

Вскоре о Бирилеве и его сорвиголовах уже заговорили в гарнизоне. Почти каждую ночь – бой, почти каждую ночь – победа. Обычно вылазки были небольшие: шороху у французов навести да пленных забрать. Но время от времени перед третьим бастионом разгорались целые баталии.

Так, в ночь на 9 декабря с полутора сотнями охотников он организовал вылазку на Зеленую гору, овладел первой параллелью и удерживал ее до утра, а при отступлении захватил с собой 2 офицеров, 20 рядовых пленными, много оружия и до 500 штук шанцевого инструмента; за эту вылазку его наградили золотой саблей с надписью «За храбрость».

В ночь на 19 декабря Бирилев с 120 охотниками выбил французов, укрепившихся на высоте Резня, и взял 10 пленных, потеряв одного убитым. В ночь на 1 января была организована атака отряда лейтенанта Астапова на позиции англичан и отряда из 200 добровольцев лейтенанта Бирилева на французские позиции. Дело удалось. Охотники Бирилева, несмотря на сопротивление противника, захватили и заклепали 4 мортиры, разорили батарею и отошли с 3 пленными, потеряв 4 убитых и 16 раненых нижних чинов.

В ночь на 20 января 1855 года с отрядом из 275 человек охотников и 80 рабочих Бирилев вновь атаковал гору Резня, взял и разрушил неприятельские укрепления и построил свое, в котором держался до утра. В плен были взяты 7 офицеров и 20 рядовых.

5 февраля 1855 года походная кавалерственная дума ордена Святого Георгия рассмотрела представление адъютанта 1-й бригады 4-й флотской дивизии Бирилева к ордену Святого Георгия 4-й степени и признала его достойным ордена. В решении, подписанном Нахимовым, было записано: «Подвиги лейтенанта Бирилева заключаются в следующем. С первого начала военных действий офицер этот отличился особым мастерством, особенно же 9 и 20 декабря 1854 г. и 1 января 1855 г. при трех вылазках, в которых взято в плен 3 офицера и 53 рядовых и много побито неприятеля. Всегда командовал охотниками и, всегда будучи впереди, первый бросался в неприятельские траншеи; увлекал людей к неустрашимости и обращал неприятеля в бегство. Сверх сего, ночью с 19 на 20 декабря 1854 г. (новый год неприятеля) вызвался со 100 чел. охотников, бросился на высоту против батарей на бульваре... штыками выбил оттуда французов, разорил их работы и устроил на том самом месте завалы, в которых под его наблюдением наши штуцерные держатся и доселе. Кавалерственная Дума, сообразив таковые подвиги лейтенанта Бирилева со статусом военного ордена Великомученика и Победоносца Георгия, признает его, Бирилева, достойным награждения, орденом Св. Георгия 4-й степени...»

Князь Горчаков, главнокомандующий Южной армией и сухопутными и морскими силами в Крыму, вручая награды особо отличившимся офицерам, вместе с орденом Святого Георгия 4-й степени уже от себя преподнес лейтенанту Бирилеву золотую саблю с надписью «За храбрость».

Охотники Бирилева, этот российский спецназ середины XIX века, жили по своим собственным законам. Большие начальники для них вроде как и не начальники, а душой и телом преданы они только своему Бирилеву, который для них и отец, и старший брат. Скажет Бирилев: «Умри!» – все как один не моргнут, умрут. Начальство бирилевцев старалось лишний раз не трогать. Да и чем ты можешь испугать людей, которым каждую ночь в лицо дышит смерть! Впрочем, шалости у бирилевских спецназовцев самые невинные: винца попить, чай погонять да одеться не по форме, а как им способней. Во главе этой отчаянной братии сам Бирилев – фуражка на затылке, на лбу пышный чуб, воротник шинели поднят, руки в карманах, на шинели белый Георгиевский крест, а на боку сабля кривая турецкая. Никого не боится и говорит то, что думает, невзирая на чины и звания.

Из хроники Севастопольской обороны: «Для держания же неприятеля в беспрестанной тревоге (что, кроме изнурения его войск, заставляло его постоянно иметь в траншеях значительные силы под выстрелами крепостной артиллерии) производились небольшие вылазки. Сначала почти исключительно ходили на вылазки охотники из матросов, но впоследствии солдаты и казаки (пластуны) соперничали с моряками в удалстве подползти неожиданно к неприятельскому пикету, заколоть часового, ворваться в траншею, поднять на ноги неприятельские резервы и уйти вовремя незаметно. Многие из моряков ходили на вылазки по нескольку раз и до того облюбили это занятие, что оно обратилось как бы в страсть. Само собою разумеется, что такая опасная игра обходилась не без потерь и потому не всегда разрешалась начальством: а как некоторые из смельчаков решались уходить на вылазку и без дозволения, на свой страх, то, чтобы предупредить подобные отступления от воинского порядка и сохранить храбрых людей, необходимых для защиты Севастополя, держали некоторых из них под особым присмотром.

В числе таких неугомонных охотников подраться с неприятелем, 30-го экипажа матрос Кошка составил себе блистательную известность, но таких в Севастополе было много. Да и вообще как между черноморскими моряками, так и между всеми бившимися наряду с ними в защиту «своего» города, храбрость при той жизни, которую тогда вели они, сделалась общим качеством, и храбрость не порывами, а постоянная, обратившаяся в убеждение, что едва ли кому из севастопольцев удастся снести голову, выйти целу и невредиму из этого горнила смертоносных снарядов, в котором огонь и железо наперерыв уничтожали цвет народонаселения России.

Не довольствуясь обычным нападением невзначай на оплошного врага, наши охотники разнообразили свои ночные подвиги, придумывая всякие хитрости, чтобы захватить живьем неприятельского часового и притащить его в ближайшее укрепление. Для этого они иногда употребляли особый снаряд, укороченную пику, острие которой было загнуто в виде крючка. Охотник, притаив дыхание, подползал в темноте к траншее, стаскивал со стенки часового, и с помощью товарищей доставлял его на ближайшую батарею. Подобные случаи повторялись так часто, что сам генерал Канробер счел нужным сообщить о том начальнику Севастопольского гарнизона генерал-адъютанту Сакену. “Позвольте мне, – писал он, – довести до вашего сведения факт, по всей вероятности, вам неизвестный: я удостоверился, что в схватках происшедших на днях впереди наших траншей, несколько офицеров и солдат были захвачены с помощью веревок и шестов с крючьями. У нас нет никакого оружия кроме ружей, штыков и сабель, и хотя я не беру на себя обязанности доказывать, что употребление других средств противно правилам войны, однако же позволю себе повторить старинное французское выражение, *что такие средства не могут считаться приличным оружием.* (Que ce ne sont point la des armes courtoises.) Предоставляю на ваше усмотрение”.

В ответ на это послание, генерал Сакен ответил:

– Солдатам нашим приказываю брать в плен неприятелей, не убивая их без надобности. Что же касается до упомянутых вами снастей, то легко, быть может, что рабочие, всегда сопровождающие наши вылазки, употребляли их для своей обороны».

Беспрестанные вылазки Севастопольского гарнизона заставили генерала Канробера сформировать три особые роты, каждую в полтора человека, под названием «охотники» (*eclaireurs volontaires*), которые должны были разведывать все, что происходило впереди наших укреплений, извещать о вылазках из города, тревожить наши передовые посты, разрушать наши завалы и пр. В просторечии они назывались «сорвиголовы» и чертями (*enfants perdus et infernaux*) и вскоре сделались известны отсутствием воинской дисциплины. Однако после первых же ночных схваток стало ясно, что матросы Бирилева непременно побивают сорвиголов генерала Канробера и поделаться с этим ничего нельзя.

В ночь на 1 марта 80 охотников-матросов и 60 штуцерных Охотского полка под командованием лейтенантов Бирилева, Астапова и мичмана Макшеева ворвались в укрепления, которые французы строили напротив третьего бастиона, разорили часть траншеи и вынесли оттуда более сотни туров.

А через десять дней решено было еще раз основательно пощипать французов. В десятом часу вечера 11 марта отряд охотников стал потихоньку выдвигаться к нашим передовым позициям. Командир третьего отделения севастопольской обороны контр-адмирал Панфилов вызвал к себе Бирилева.

– Вот что, Николаша, – сказал он ему ласково, – сегодня надлежит тебе со своими молодцами занять передовые французские ложементы, срыть их в сторону неприятеля и, оставив на них стрелков, отойти. Для работ земляных даю тебе рабочих. – Контр-адмирал перекрестил Бирилева. – Ты у нас везучий! Желаю, чтобы фортуна не отвернулась и на сей раз!

На этот раз под началом лейтенанта был отрядом в 750 человек с тремя ротами Охотского полка в резерве, который составлял правый фланг большой вылазки под руководством генерал-лейтенанта Хрулева.

Вскоре охотники залегли за передовыми редутами в ожидании начала вылазки. Но команды все не было, Бирилев медлил. В небе предательски светила луна, и лейтенант боялся быть обнаруженным до времени.

Верный Игнатий Шевченко коротал время рядом со своими дружками Дмитрием Болотниковым и Петром Кошкой. Не раз и не два участвовали они в подобных вылазках, не раз выручали друг друга в минуты смертельной опасности. Дабы согреться на холодном январском ветру, курили друзья глиняные трубки.

– Сегодня непременно удача будет! – делился своими мыслями рассудительный Болотников. – С Бирилевым всегда так!

– Всем хорош наш лейтенант, только уж горяч бывает без меры. Под пули так и лезет! – отозвался Петр Кошка.

Шевченко некоторое время отмалчивался. Затем молвил, выбив табак из трубки:

– Такое его дело командирское – всегда поперек других быть! А наше матросское – от всяких напастей его уберегать!

– Эй, кто здесь охотники? – кричал, пробираясь меж гревшихся у костров солдат и матросов, какой-то унтер. – Выходи строиться!

Бирилев еще раз глянул на небо. Оно было в сплошных тучах. Глянул на часы: стрелки показывали третий час ночи. Пора!

– Ребята, – обратился к матросам лейтенант, когда те построились, – фронт не нарушать! Идти локоть в локоть, и чтобы тихо! Фуражки долой!

Быстро, истово крестились.

– С Богом! Вперед, марш!

Двинулись. Вышли на ничейную полосу. Вокруг было тихо. Но вскоре где-то раздался выстрел, второй, третий... Взвилась ракета...

– Завидели, окаянные! – обернулся к Кошке шедший впереди Шевченко. – Теперь не отлипнут!

– Живее, живее! – торопил Бирилев.

Скорым шагом миновали Сахарную Головку – гору, служившую ориентиром во время вылазок. Теперь впереди французские траншеи. Здесь было тихо, только перекликались между собой замерзшие на ветру часовые, да где-то в глубине трубили дозорные горны. Подошли под неприятельские ложементы. Вот они, на горке!

– В колонну! – громким шепотом скомандовал Бирилев. – Ружья на руку! Вперед!

– Кто идет? – окликнул часовой.

– Русские! – выкрикнул в ответ лейтенант. – В штыки, ребята! Ура!

Спустя какую-то минуту матросы были уже на ложементах. Лихо работая штыком, Шевченко вместе с товарищами быстро прокладывал дорогу себя вперед. Вскоре ложементы были наши. Рабочие тут же начали срывать насыпь.

– Потери? – окликнул Бирилев своих унтеров.

– Трое пораненных! – хрипло выдохнули те в ответ.

– Не останавливаться! – кричал лейтенант. – Пока француз не опомнился, только вперед!

Так же лихо черноморцы выбили неприятеля из ближайшей к ложементам траншеи, на спине противника ворвались во вторую. В третьей напоролась на картечь, пришлось отойти. Теперь в штыки уже кинулись понявшие, что к чему, французы. Завязалась отчаянная рукопашная схватка. Шевченко, уложив за смертью двоих, гнал перед собой третьего. Французы дрогнули, и вновь матросы отбивали одну траншею за другой. Все в кромешной тьме, в липком, рыхлом снегу. Неприятель давил числом, наши – удалью! Чаша весов все больше склонялась на сторону черноморцев.

– Поднажмем, ребята! – размахивал саблей Бирилев. – И француз тыл покажет!

Подавая пример подчиненным, он первым прокладывал себе дорогу среди врагов.

Внезапно из-за ближайшей скалы на него выскочило сразу полтора десятка алжирских зуавов, вооруженных штуцерами. Вот они разом вскинули свои ружья... Еще мгновение – и все для лейтенанта Бирилева будет кончено!

– Бережись! – Вмиг оценивший обстановку Игнатий Шевченко кинулся к командиру и заслонил его от пуль.

Впоследствии Бирилев вспоминал, что он ничего не успел понять, лишь почувствовал несколько глухих ударов в тело навалившегося на него Шевченко. Подоспевшие матросы шты-

ками отбросили зуавов, а Бирилев все стоял на коленях перед распростертым на земле матросом.

– Да скажи хоть слово, брат! – умолял он своего спасителя. – Не умирай, прошу тебя!

Шевченко уже оставляли последние силы. Он побледнел, глаза его закатились, сухие, обветренные губы еще что-то пытались шептать, но прошло несколько минут – и он затих навсегда.

Та ночная вылазка была на редкость удачной: была захвачена правая параллель на Зеленой горе со всеми батареями, заклепаны восемь 36-фунтовых пушек-каронад, скрыта до основания батарея в десять орудий, взяты в плен начальник инженерных работ, офицер и 25 рядовых. За эту вылазку Бирилев получил орден Святой Анны 2-й степени с мечами. Но, несмотря на победу, веселья не было. Черноморцы скорбели о своем товарище. Тело героя несли его друзья Болотников и Кошка.

Из воспоминаний Б.П. Мансурова: «Лейтенант Бирилев сам рассказывал мне некоторые подробности о смерти Шевченко: он всегда сопровождал его вместе с Петром Кошкой в качестве телохранителей, как Кошка при мне выразился. Бирилев уже должен был один раз Шевченко за спасение жизни, ибо на одной из предшествующих вылазок сей последний без оружия бросился на целившегося в упор на Бирилева французского стрелка и схватил его за горло так удачно, что повалил на месте и сам остался невредим, тогда как выстрел штуцера оторвал Бирилеву только ножны. В ночь на 20 января, когда Бирилев бросился в траншею на неприятельских стрелков, Шевченко увидел, что на его командира направлено в нескольких шагах штуцеров 15, которых сей последний не замечал: в одно мгновение Шевченко локтем и плечом свалил Бирилева с ног и в ту же минуту упал, раненный пулей, которая попала ему в грудь и вылетела около крестцовой кости...»

Весть о подвиге матроса с «Ягудиила» мгновенно облетела Севастополь. Защитники города были потрясены мужеством Игнатия Шевченко. Когда об этом случае стало известно Павлу Степановичу Нахимову, он сказал: «В этом я вижу высшую дружбу воинов и сознание подчиненного, что офицер-начальник нужен команде больше прочих...»

Даже скупой на похвалы и награды главнокомандующий войсками Крыма князь Меншиков самолично распорядился о посмертном награждении героя военным орденом, издал приказ по армии, заканчивавшийся следующими словами: «...Сделав распоряжение об отыскании его семейства, которое имеет все права воспользоваться щедротами все милостивейшего государя нашего, я спешу, мои любезные товарищи, сообщить вам об этом, поздравить вас, что вы имели в рядах своих товарища, которым должны вполне гордиться».

За храбрость в бою Шевченко был награжден посмертно солдатским Георгием, а спасенный им Бирилев за успешную вылазку орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами.

Вскоре о подвиге Шевченко заговорила уже вся Россия. Ростовские купцы Кузнецов и Сорокин начали сбор пожертвований на памятник черноморскому герою. 26 августа 1874 года памятник, исполненный академиком-художником Микешинным, был установлен в Николаеве – первый в истории России памятник нижнему чину. После воссоздания Черноморского флота, в 1902 году, его перевезли в Севастополь и установили перед казармами Черноморской дивизии.

Один из историков отечественного флота лейтенант Белавенец так писал об этом событии: «Расступитесь, памятники доблестных героев Севастополя, и примите в свою среду памятник герою, который хорошо помнил слова Господни: “Больше сея любви никто не имеет, да кто душу свою положит за други своя”».

Император Николай, по получении донесения князя Меншикова об этой вылазке, произвел лейтенанта Бирилева в капитан-лейтенанты и назначил его своим флигель-адъютантом. «Велики были подвиги храбрости и самоотвержения, совершенные на вылазках защитниками Севастополя, – писал один из современников. – И кто может исчислить их? Одни из наших героев пали славную смертью; другие, оставшись в живых, не считали нужным оглашать дела

доблести, которых были участниками. Для них не было ничего необычного стоять молодецкою грудью за Россию в темные ночи, вдали от своих, вне взоров начальников и товарищей, которые могли бы оценить действия мужественных воинов. Их возбуждали не награды, не отличия. Они шли на смертный бой за веру, за царя, за Россию. Других помыслов у них не было и не могло быть. Они были все храбры: каждый офицер был Бирилев; каждый из рядовых Шевченко. Да будут же примером грядущим поколениям Русского народа известные и неизвестные герои славной Севастопольской обороны, пока пред лицом мира красуется великая, могучая Россия!»

Из хроники обороны Севастополя: «Когда работа уже была окончена и к неприятелю прибыли сильные подкрепления, Бирилев отвел свой отряд к завалам, оставил там штуцерных и возвратился на 3-й бастион, унеся всех раненых и захватив в плен двух офицеров и семь рядовых. Со стороны французов были убиты либо ранены четыре штаб- и обер-офицера и множество нижних чинов. Урон их увеличился ошибкою их войск, занимавших траншеи, которые в темноте, приняв за неприятеля две роты французского 46-го линейного полка, встретили их ружейным огнем. С нашей стороны убиты один офицер, Волынского полка прапорщик Семенский, и три человека из нижних чинов; ранено 34 нижних чина, в числе коих матрос Кошка».

Затем были новые бои и новые подвиги. При этом Бирилев и представить себе не мог, что именно в это время за много тысяч верст от Севастополя на берегах Невы уже предопределилась его будущая личная жизнь. Дело в том, что как раз в это время младшая сестра Бирилева Анна училась в Смольном институте. Вместе с ней училась и ее самая близкая подруга Мария Тютчева, дочь дипломата и поэта Федора Тютчева. Когда началась оборона Севастополя и газеты стали публиковать описание подвигов старшего брата Анны, подруги запоем читали эти статьи: первая с гордостью, а вторая с восхищением. Именно тогда Бирилев стал для юной романтической Маши идеалом рыцаря без страха и упрека, идеалом настоящего мужчины-героя.

26 марта 1855 года Бирилев был послан курьером к императору с письмами от князя Горчакова. Историк пишет: «Вскоре ему (Бирилеву. – В.Ш.) выпала честь отправиться курьером в Санкт-Петербург с письмом князя М.Д. Горчакова к императору Николаю. Редко хозяину земли русской удавалось обрести хорошее настроение, но письмо из военного Крыма несколько утешило его. Да к тому же офицер-фронтовик произвел впечатление на государя, его остроумные и красноречивые рассказы о жизни в осажденном Севастополе разряжали дворцовую обстановку, приближенные к царской особе смотрели на Бирилева как на героя. Он таким и был. Всемиловитейшим указом курьер был произведен в капитан-лейтенанты с назначением флигель-адъютантом Его Императорского Величества. Из 30-го флотского экипажа Бирилев был переведен в гвардейский. Все эти награды и почести круто меняли карьеру морского офицера. Популярность Бирилева была такова, что о нем немало писали петербургские и московские газеты, а сановные лица и купечество считали за честь принять у себя дома героя Севастополя».

В те дни Анна и познакомила брата со своей подругой. Встреча Николая и Маши была короткой, но именно тогда родилась взаимная любовь.

Затем была долгая переписка. Машины письма, перечитанные десятки раз, лежали в секретере командира «Посадника» рядом с секретными документами. Письма Бирилева Маша хранила в специальной коробке, перевитой алой лентой.

– Чем занимается ваша сестра Мари? – спрашивала свою фрейлину Анну Тютчеву (старшую сестру Марии Тютчевой) императрица Александра.

– Она безнадежно влюблена во флигель-адъютанта Бирилева! – отвечала та.

– О, это была бы прекрасная пара! Как вы полагаете? – улыбнулась императрица.

– Думаю, что моей сестрице лучшего мужа не найти!

– Надо устроить эту партию! Это будет самая прекрасная партия.

Казалось бы, теперь Бирилев мог бы уже вкусить плодов своей популярности. Флигель-адъютанту ни к чему снова возвращаться под ядра. Его место подле особы императорской, тем более что никто не посмеет упрекнуть его в отсутствии храбрости. Он свое повоевал, пусть теперь повоюют другие. Но Бирилев решил иначе. К неудовольствию Николая I, он без лишних церемоний стал проситься обратно в Севастополь.

– У меня не так много флигель-адъютантов, что бы я их посылал на убой! – пробурчал в усы император.

– Обещаю вашему величеству всенепрременно остаться в живых! – лихо щелкнул каблуками капитан-лейтенант.

– Это ты сейчас обещаешь, а случись что, с кого спрашивать! – насупил брови Николай. – Впрочем, у каждого своя судьба. Езжай!

Вскоре Бирилев был уже снова на своем родном третьем бастионе. Снова ночные вылазки, рукопашные схватки, победы и потери. Но вскоре удача оставила флигель-адъютанта. 6 мая во время подготовки новой вылазки с пятого бастиона на Кладбищенскую высоту при рекогносцировке он был тяжело контужен пулей в голову.

Придя в себя, капитан-лейтенант снова было засобирался на бастион, но осмотревший его хирург Пирогов только покачал головой:

– Какой к черту бастион, когда у него такие боли в голове, что впору на стенку лезть. Немедленно увозить на лечение в Германию!

– Но он же не кричит и не стонет, а шутит и улыбается! – засомневались другие врачи.

Пирогов снял очки, протер их платком, снова водрузил на нос, вздохнул:

– Все очень просто, господа: вы видите перед собой настоящего русского офицера!

Провожали Бирилева его верные друзья контр-адмирал Панфилов да товарищи по вылазкам лейтенанты Астапов и Макшеев. Последними прощаться подошли его храбрецы Петр Кошка, Игнат Заика да Митрий Болотников.

– Вот, ваше благородие, вам наш подарочек в дорогу! – сказал за всех Петр Кошка, протягивая тряпицу с несколькими замусоленными головками сахара. – Вам теперича сладенького надобно, вот будете в дороге чай гонять, глядишь и нас вспомните!

В глазах Бирилева стояли слезы.

– Спасибо, братцы, вовек вас не забуду!

Флигель-адъютант императора

Тяжелоконтуженного Бирилева отправили на лечение в Висбаден. Лечение было долгим и трудным. Профессора немецкие никаких гарантий не давали.

– Голова – самое темное дело в медицине, – говорили они откровенно. – Никто из нас не даст никаких гарантий, какие процессы будут происходить там в дальнейшем. Единственно, что можем рекомендовать, – покой, покой и покой!

– Конечно-конечно! – заверил профессоров Бирилев.

Диагноз Бирилеву был поставлен неутешительный – травматическая эпилепсия. Болезнь тяжелейшая и непредсказуемая...

Но сейчас флигель-адъютанту было не до диагноза, он спешил в Москву, где ему предстояло принять участие в чествовании героев обороны Севастополя. Встреча черноморцев превратилась в Москве в национальный праздник, продолжавшийся без малого целый месяц.

Когда отгремели последние залпы войны, оставшиеся в живых черноморцы были отправлены на Балтику, туда, где были необходимы их закалка и боевое мастерство.

Путь черноморцев пролегал через Первопрестольную, и к прибытию героев севастопольцев там готовились загодя. Когда же первые колонны утомленных походом моряков 18 февраля показались у Серпуховских ворот, их уже встречали толпы горожан, оркестры и почетный караул. Навстречу морякам вышел московский генерал-губернатор граф Закревский, «достойный гражданин» Кокорев преподнес дорогим гостям хлеб-соль. От моряков Черноморского флота их принял капитан-лейтенант Бирилев.

Газета «Московские ведомости» в те дни писала: «Лишь только увидели мы издали длинный их строй, спускающийся с горы, слезы прошибли всякого, и горько, и весело, и грустно. Обыватели густыми толпами валили к ним навстречу и кричали “Ура!”. “Ура!” – отвечали гости...»

Сравнявшись с гостями, Кокорев передал поднос с хлебом-солью старшему офицеру. «Служивые! Благодарим вас за ваши труды, за пролитую в защиту родной земли кровь! Примите наш земной поклон!» – и поклонился в землю. За ним поклонились и все следовавшие. Удивительная, умильная минута! Все плакали...»

Прямо посреди Серпуховской площади были накрыты огромные столы, где стояла водка, лежали груды снеди. Один за другим следовали тосты... Купцы чуть не в драку зазывали к себе на постой моряков: кто «спрашивал» десять, кто двадцать, а кто и все сто!..

На следующий день, 19 февраля, старшие офицеры были приглашены на торжественный обед к генерал-губернатору (мичманам и лейтенантам накрыли столы в гостинице «Шевалье»). Матросы гуляли по улицам. Двери трактиров перед ними открывали, денег при этом не брали, зато качали на руках. Офицеров тем временем приветствовали в Дворянском собрании.

Праздники пролетели быстро, снова наступили будни. Прибыв из Москвы в Петербург, Бирилев тут уже отправился в министерство.

– Я полностью излечился и готов идти в море хоть сегодня!

– Что здоров, это хорошо, – покачали головой чиновники. – Но вот флот у нас нынче мал и очередь на хорошие суда преогромная. Впрочем, для вас, как для флигель-адъютанта, имеется вакансия на яхту «Королева Виктория».

– Давайте хоть яхту! – махнул рукой Бирилев.

В течение последующих двух лет он плавал на яхте по Финскому заливу, а потом захандрил:

– Сколько ж можно в «маркизовой луже» плескаться!

Случай переговорить с императором выдался во время коронации Александра II в Москве, где Бирилев присутствовал как флигель-адъютант.

– Какие могут быть препоны моему адъютанту! – передернул плечами император, выслушав Бирилева, и вскоре тот был определен старшим офицером линейного корабля «Выборг». Служба на «Выборге», однако, была на редкость скучной, так как он больше стоял, чем плавал, и суетной, так как на линейном корабле у старшего офицера рутинных дел всегда хватает.

Дела Восточные

Несмотря на то что Крымская война уже закончилась, английский премьер-министр Пальмерстон, под предлогом борьбы за права человека, по-прежнему разжигал ненависть к России. А английские войска из Балаклавы и Севастополя были переправлены напрямиком в Гонконг и Индию, где ожидалось восстания аборигенов.

– Мы наказали Россию, теперь пора поставить на колени и Китай! – вещал Пальмерстон.

Захват Поднебесной виделся из Лондона делом несложным. В двух недавних опиумных войнах Китай понес огромные убытки, и китайские товары уже не могли конкурировать с продукцией европейских мануфактур. Огромная страна стремительно беднела. Вдобавок ко всему Китай сотрясали мятежи яростных тайпинов.

Активность англичан в Китае заставила принять меры и Петербург.

– Союзники считают, что после Крыма им все нипочем! – высказывал брату Константину император Александр II. – А потому надо будет сделать все возможное, чтобы умирить их пыл!

В марте 1859 года в Китай отбыла миссия генерал-майора графа Игнатьева с оружием и военными советниками. Китайцы просили о помощи, и та была им обещана. От Петербурга до Пекина путь не близок, а потому, пока граф Игнатьев трясся в своей коляске по бесконечным дорогам, в Китае произошли весьма важные события.

Все началось с того, что английский вице-адмирал Хоуп пытался силой пройти вверх по реке Бейхэ в Тяньцзинь в качестве «посольского конвоя», чтобы затем продиктовать китайцам свои условия. Эскадра Хоупа была впечатляющей: 8 фрегатов, корветов и транспортов, 2 большие и 9 малых канонерок. Китайцы вначале предложили «дипломатической миссии» пройти до Тяньцзиня сухопутным путем. Но уверенные в своей силе англичане и союзники это отвергли. Английский посол Брюс и французский де Бурбулон уговорили Хоупа прорваться в устье реки Бейхэ силой.

– Достаточно будет одного обстрела фортов для открытия входа в реку, как китайцы пойдут на все наши условия! – внушали они.

Для штурма фортов было выделено одиннадцать английских канонерок и французское посыльное судно. Под прикрытием корабельной артиллерии почти полторы тысячи вооруженных матросов на джонках взяли курс к зловеще молчащим фортам.

Поначалу все шло как нельзя лучше. Но затем внезапно стены фортов заволкло дымом – китайцы приняли бой! «Выстрелы китайцев отличались замечательной меткостью, которой вовсе нельзя было ожидать от них», – писал очевидец. Джонки с десантом были расстреляны в упор. Затем началось уничтожение канонерских лодок. В течение часа было потоплено пять канонерок. Те, кому удалось высадиться на берег, оказались в западне. Расстреливаемые со всех сторон, они ничего не могли сделать. Погибло более половины десанта. Остатки удалось забрать только с наступлением темноты. В довершение всего в горячке боя Хоуп напрочь забыл про приливы, а потому раненых, в ожидании эвакуации, укладывали рядами у самой воды. Когда же начался стремительный пролив, то все они утонули.

Почти одновременно французский экспедиционный корпус был разгромлен во Вьетнаме, и французы бежали из Сайгона. Эти два одновременных поражения стали прологом новой большой войны, вошедшей в историю как Третья опиумная.

В Пекине праздновали триумф. Еще вчера робкие цинские министры настаивали теперь на полном истреблении европейцев.

– Зачем нам помощь русского медведя? – кричали китайские мандарины, и их длинные косы раскачивались за спинами. – Теперь наша мудрая обезьяна и сама порвет жалкую английскую собаку!

Игнатъев еще не добрался до Пекина, когда союз с Россией там уже никого не интересовал.

Но китайская обезьяна радовалась рано. В Лондоне здраво рассудили, что если не взять реванш за поражение при Бейхэ, то авторитет первой державы мира будет подмочен. Лорд Пальмерстон жаждал реванша. Вскоре в Китай прибыл английский экспедиционный корпус генерала Гранта – две пехотные дивизии и бригада кавалерии. Затем высадился и французский корпус генерала Кузена-де-Монтабана – две пехотные бригады и батальон морской пехоты. Почти все офицеры и солдаты обоих корпусов – участники севастопольских штурмов. Усилились и эскадры союзников. Теперь под флагом вице-адмирала Хоупа имелись 2 винтовых линейных корабля, 17 фрегатов, 9 корветов и более семи десятков вспомогательных судов. Более шестидесяти вымпелов насчитывала и французская эскадра вице-адмирала Шарнэ. Помимо этого для перевозки солдат, вооружения и припасов было зафрактовано 216 крупных коммерческих судов. Эта была армада, сопоставимая по количеству вымпелов с союзническим флотом под Севастополем.

Фактически союзники готовились повторить Крымскую кампанию в восточном исполнении. Противник, правда, у них был на этот раз не столь упорный, как у стен неприступного Севастополя.

22 апреля 1859 года союзные войска высадились на островах Чжоушань. В июне французы заняли Чифу, а англичане бухту Даляньхуан (будущий порт Дальний), превратив их в свои маневренные базы. Китайские войска почти не оказывали сопротивления. Еще не вступив в бой, они уже потеряли волю к победе. Теперь Грант и де Монтабан готовились к маршу на Пекин.

28 июля объединенный англо-французский флот и транспорты с войсками бросили якорь в бухте Шэлюйтян, в 17 километрах от Бэйцана, а 1 августа началась высадка экспедиционной армии. 12 августа союзники начали генеральное наступление на форты в устье Бейхэ. 16 августа пали укрепления Тангу на левом берегу. 18 августа союзники переправились через реку Бейхэ, а 22 августа после кровопролитного сражения были захвачены форты Таку. При этом союзники потеряли 57 убитых и 243 раненых, китайцы более 2000 убитых.

Именно в это время в Пекин прибыл граф Игнатъев, застав там панику и слезы. Граф пытался выступить посредником между враждующими сторонами, чтобы не допустить вступления союзников в китайскую столицу, но безуспешно.

Тем временем, поднявшись вверх по реке, эскадра Хоупа захватила Тяньцзинь, после чего начались переговоры с китайцами. Последние всячески их затягивали, чтобы дождаться зимы, когда противник сам вынужден будет уйти. Но англичане с французами были настроены решительно. Прервав переговоры, они возобновили наступление. Китайская армия пыталась его остановить, но в сражениях при Чжанцзяване и Бапицяо была наголову разбита и разбежалась. После чего император Сянь Фэн перебрался из Пекина в город Жэхэ, оставив за себя принца Гуна.

6 октября Пекин пал, а дворец Юань-Мин-Юань полностью разграблен. Сбежавшись в русское православное подворье, цинские министры на коленях умоляли Игнатъева помочь им в переговорах с союзниками. Игнатъев согласился, но в свою очередь выдвинул требование немедленно разграничить спорные территории от Уссури до Кореи. Принц Гун был согласен на все.

Свое обещание граф Игнатъев сдержал, и при его посредничестве принц подписал все условия союзников, в том числе и по выплате контрибуции.

25 октября были подписаны англо-китайская и франко-китайская конвенции, после чего союзники покинули Пекин. Теперь наступал черед России пожинать плоды последней опиумной войны.

Эскадра особого назначения

Еще в марте 1858 года адъютантом генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича был бывший флаг-офицер вице-адмирала Корнилова капитан 1-го ранга Лихачев. Он уже участвовал в плаваниях на Тихом океане в экспедиции Невельского, отважно сражался на севастопольских бастионах, получил сильную контузию при взрыве баркаса с порохом, когда в тот угодила французская бомба, затем служил атташе в Лондоне и Париже, отличался эрудицией и жадой деятельности. Именно Лихачев и подал генерал-адмиралу «Записку о состоянии русского флота», в которой доказывал необходимость дальних плаваний судов российского флота и образования в морях Дальнего Востока самостоятельной эскадры. В «Записке...» говорилось: «Только не держите эти суда в наших морях, где они как рыбы, вытасканные на берег... Не ограничивайте их поприще дорогою к Амуру и обратно... держите их в океане, в Китайском и Индийском морях, естественном поприще их военных подвигов в случае войны... У Вас образуются со временем настоящие адмиралы, которые будут бояться одной ответственности перед отечеством... которых не будет вгонять в идиотизм страх начальства». «Записка» пришла как нельзя кстати. Россия просто обязана была после неудачи в Крымской войне продемонстрировать свой флаг в океане, к тому же англичане уже заинтересовались дальневосточным Приморьем, и надо было срочно наращивать там наше военно-морское присутствие.

Разумеется, линейные корабли и фрегаты, которых было по пальцам посчитать, посылать на Тихий океан не стали. Нашли другой выход – корветы и клипера. Как раз к концу Крымской войны на Архангельских и Охтинских верфях сошли со стапелей первые серии этих кораблей.

Подключив все связи, Бирилев добивается своего перевода на один из готовящихся в дальнейшем плавание корветов. Вакансия открылась в самый последний момент. Командир корвета «Посадник» всеми силами добивался и добился перевода на Черное море. На его-то место и был назначен старший офицер с линейного корабля «Выборг».

Тем временем на Балтике заканчивал подготовку к походу на Дальний Восток так называемый 3-й Амурский отряд, который должен был усилить и частично сменить уже ранее ушедшие два корабельных отряда.

Дело в том, что в начале января 1860 года в Особом комитете под председательством императора Александра II решили в помощь русскому посланнику графу Игнатьеву собрать в китайских водах особую эскадру под командованием капитана 1-го ранга Лихачева.

Самому Лихачеву было при этом сказано:

– Ты сии вояжи дальневосточные предложил, тебе и флаг в руки!

На что тот лишь обрадовался:

– О назначении таком я и мечтать не мог! Доверие, оказанное, оправдаю и за честь России постоять сумею!

И Александр II и его младший брат Константин Николаевич понимали, что корветам и клиперам будет трудно противостоять английским эскадрам. Если они и могли нанести удар по владычице морей, то только атаковав ее торговые коммуникации.

– Конечно, наши морские силы не идут ни в какое сравнение с английскими! – признался брату генерал-адмирал. – Однако во главе эскадры и командирами кораблей мы поставим самых боевых и храбрых. Думаю, это с лихвой окупит слабость наших пушек!

Из воспоминаний дореволюционного историка А. Беломора: «...Плохенькие тихоходы-корветы со слабосильными механизмами, не дававшими более 5 узлов в штиль, эти морские игрушки – клипера с неудобным рангоутом и шхунским вооружением не были тогда плавающими гостиницами или стационарными домами, несколько месяцев пребывания в которых составляли бы необходимое условие иерархического передвижения служащих, а были действительными боевыми единицами, материальные недостатки которых пополнялись духовными

качествами годами сжившихся на палубах экипажей. В описываемый период в нашей морской среде не было и недостатка, какой, например, сознавал министр иностранных дел князь Горчаков, в людях, умевших храбро и сознательно брать на свои плечи ответственность за быстрое принятие никогда не предвиденных и нигде не предписанных администрацией мероприятий и решений и зачастую вопреки категорически высказанных ею желаний и соображений, нередко трусливых и эгоистичных. Великий князь в возникавших спорах всегда становился на сторону адмиралов плавающих, строго придерживаясь правила, что отдаленное действие центральной власти очень слабо заменяет постоянное действие власти поместной; что самая искусная администрация не может заменить управления непосредственного; что сила созидательная может заключаться только в военачальнике».

Особо следует остановиться на командах отправляемых на Тихий океан корветов и клиперов. Дело в том, что комплектовались они из оставшихся в живых защитников Севастополя. Прошедшие Синоп и год севастопольской бойни матросы-черноморцы имели огромный боевой опыт, но наряду с этим подчиняться не слишком любили. Война научила их смотреть опасности в глаза. Именно поэтому и командирами первых клиперов ставили исключительно офицеров, прошедших севастопольские бастионы. Они пользовались большим и вполне заслуженным авторитетом, а потому легко находили общий язык с матросами-ветеранами. Надо ли говорить, каким авторитетом с самого начала пользовался у матросов «Посадника» всем им хорошо известный храбрец Бирилев!

Что касается корвета «Посадник», то он был построен под руководством корабельных инженеров Иващенко и Шведе на Охтинской верфи в 1856 году в числе других шести винтовых корветов. Водоизмещение корвета составляло 855 тонн, мощность паровых машин 200 лошадиных сил. На ходовых испытаниях «Посадник» развил под машиной скорость в 13 узлов, что по тем временам считалось весьма неплохо.

В состав 3-го Амурского отряда помимо «Посадника» вошли клипера «Наездник» (капитан-лейтенант Ратьков) и «Разбойник» (капитан-лейтенант Селиванов). Отрядным начальником был назначен капитан 1-го ранга Дюгамель.

Дела у Лихачева со словами не расходились. Не став дожидаться отправки отряда, он поспешил на Дальний Восток, чтобы как можно скорей объединить под своей дланью находящиеся там российские суда. Обстановка на Дальнем Востоке была в то время непростая. Не удовлетворившись результатом Тяньцзинских договоров 1858 года, Англия и Франция предприняли попытку силой оружия установить контроль над Китаем. Царствующая там династия находилась под угрозой свержения. Шли бои за Пекин, в котором царила паника. Если бы победили претенденты на престол, то влияние англо-французов стало бы преобладающим. Это грозило нам неприятными последствиями. Русский посланник генерал-майор Игнатьев направил императору Александру II донесение о больших трудностях ведения переговоров в Пекине и просил разрешения выехать оттуда.

Требовалось принять незамедлительные меры по укреплению обороны дальневосточных рубежей России. Лихачев не без основания полагал, что союзники первым делом попытаются захватить побережье нынешнего Приморского края с Владивостоком и Посъетом. Многие бухты и заливы уже были нанесены на английские и французские карты как принадлежащие им. В России же по вопросу о землях южнее Амура только велись переговоры между Петербургом и Иркутском – резиденцией генерал-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева-Амурского. Теперь все решали какие-то месяцы, а то и недели. Кто сумеет первым застолбить еще ничейные территории?

Время не ждало, а потому капитан 1-го ранга Лихачев срочно выехал из Петербурга во Францию и на пассажирском пароходе в частном порядке добрался из Марселя в Шанхай. Там он зафрахтовал французский пароход «Реми» и поспешил на нем в Хакодате. По прибытии туда Лихачев узнал, что англичане уже начали подготовку к высадке десанта в заливе

Посьет с последующей оккупацией этого района. Писать в Петербург, и просить указаний было уже поздно. Храбрый офицер принимает решение опередить англичан и самому занять залив Посьет, формально принадлежавший Китаю. Фактически же это была ничейная территория, и в радиусе сотен верст там не было ни китайских солдат, ни чиновников.

В то время в Хакодате находились клипер «Джигит» и транспорт «Японец». «Джигит» занимался ремонтом котлов и быстро выйти в море не мог.

Командующий эскадрой накоротке встретился с нашим консулом в Японии Гошкевичем.

– Какие последние новости об англичанах?

– Насколько мне известно, сейчас они готовятся к занятию залива Посьет и ведут гидрографическое обследование острова Цусима.

– О Цусиме подумаем после, сейчас важно опередить их в Посьете! – махнул рукой Лихачев.

В тот же день он отправился в залив Посьет на единственном ходовом судне своей будущей эскадры – «Японце».

11 апреля 1860 года «Японец» бросил якорь в Новгородской гавани залива Посьет. Лихачев осмотрел бухту и объявил ее территорией Российской империи. Собственной властью он распорядился основать пост в бухте Новгородская и оставил там команду под командованием лейтенанта Назимова. Лейтенанту он велел:

– В случае появления иностранных судов поднимай русский флаг и объявляй их капитанам, что бухта Новгородская и залив Посьет являются собственностью России. Ежели увидишь противодействие, пали из всех ружей!

Объявив Посьет русской территорией, Лихачев рисковал эполетами. Но что такое собственная судьба, когда на карту поставлена будущность России!

Узнав о дерзком своеволии своего любимца, великий князь Константин Николаевич отписал Лихачеву: «Ты совершенный молодец, и я обнимаю тебя мысленно от всей души!.. Все письма твои я давал читать государю, и он в высшей степени доволен твоей распорядительностью и находчивостью...»

К этому времени на Дальний Восток начали подходить и наши боевые корабли. Одновременно, не теряя времени, экипаж транспорта «Манджур» основал будущий порт Владивосток.

К лету в Печилийском заливе у порта Таку, от которого до Пекина каких-то 150 верст, собралась вся наша эскадра: фрегат «Светлана», корвет «Посадник», клиперы «Джигит», «Разбойник», «Наездник», транспорт «Японец» и несколько мелких судов. «Таким образом, под моим брөйд-вымпелом, – писал позднее И.Ф. Лихачев, – формировалась впервые независимая эскадра Тихого океана, через которую прошло впоследствии не одно поколение лучших моряков наших, и я почитал всегда крайне счастливым, что на мою долю выпало отстоять это учреждение в самом его начале – это обошлось в то время не без препятствий».

На клипер «Джигит» немедленно перебрался наш посланник в Китае граф Игнатьев. Теперь, находясь под защитой Андреевского флага, он мог увереннее держаться на нелегких переговорах с министрами богдыхана. Китайцы сразу стали сговорчивее, и 2 октября 1860 года был заключен исторический Пекинский договор, по которому неразграниченные ранее территории отошли к России: Уссурийский край, Приамурье и Приморье «на вечные времена» объявлялись нашими владениями.

Заслуги моряков были оценены по достоинству. Лихачеву по заключении Пекинского договора был присвоен чин контр-адмирала и орден Святого Владимира 3-й степени. Высочайший указ Александра II гласил: «Во внимание к чрезвычайно полезным трудам эскадры Китайского моря и отличной точности, с которой были выполнены ею предначертания, послужившие к заключению трактата с Китаем, Государь Император изъявил свое монаршее благоволение начальнику эскадры и всем командирам».

Что и говорить, российские дипломаты, прекрасно разыграв партию, а моряки, подкрепив слова политиков демонстрацией реальной силы, оставили недавних противников по Крымской войне в круглых дураках. После непростой войны англичан с Китаем все выгоды мирного договора достались исключительно России.

На кораблях откровенно радовались:

– Энто вам, гады, за Севастополь! За дружков наших, что смертию пали на кургане Малаховском! Чешите теперь свои загровки!

Занятие Посъета и основание Владивостока были первыми щелчками по носу союзникам, но, как оказалось, Не последними. наши останавливаться на достигнутом не собирались.

От Кронштадта до Хакодате

19 июня 1859 года великий князь Константин Николаевич прибыл в Кронштадт проводить уходящие в дальнее плавание корабли. В дневнике он записал: «Утром осматривал Амурский отряд. Корвет “Посадник” (Бирилев)... Разрешил некоторые необходимые работы...»

Герой Севастополя ходил в любимцах у генерал-адмирала, а потому великий князь обратился с ним почти по-дружески:

– Готов ли ты, Николая, к новым подвигам во славу Отечества?

– Готов, ваше высочество! Мы, черноморцы, на все способные!

В конце августа 1859 года отряд вышел в плавание. Чтобы затруднить слежение англичан и быстрее дойти до места, командирам судов было приказано идти отдельно.

Вместе с Николаем Бирилевым уходил на Дальний Восток и младший брат Алексей. Только что произведенный в чин юнкера флота, он, по протекции старшего брата, был определен на клипер «Разбойник» к капитан-лейтенанту Ратькову. От мысли взять брата к себе на «Посадник» он отказался.

– У меня не обойдется без послаблений! – объяснил Бирилев брату-юнкеру. – У Ратькова же ты пройдешь настоящую морскую школу!

Алексей не возражал.

Итак, плавание на Дальний Восток началось. Конечно, Бирилеву не было легко. При всей его опытности в океан он шел первый раз, да не просто в океан, а вокруг света! Но севастопольцам ли бояться трудностей, а потому только вперед!

Из хроники плавания: «Пройдя Нарген и получив легкий ОСО, прекратили пары и вступили под паруса. Ночью свежий SSO достиг крепости шторма и заставил взять все рифы у марселей. Пройдя Дагерорт в полный бейдевинд, с нижними парусами, при большом волнении, корвет шел до 10 узлов. Спокойствие судна было необыкновенным, однако же размахи доходили до 20°, к 29 августа ветер до того окрепчал, что вынуждены были закрепить нижние паруса и спустить брам-стенги. К вечеру стало стихать».

Вскоре впереди заморгал желтым глазом плавающий маяк Фалстебро. Ветер засвежел и стал противный. Чтобы не лавировать, Бирилев решил перейти на машину.

– Развести пары! – велел передать он вниз механику Скирмунду.

Бросили якорь на большом Копенгагенском рейде. Перевели дух и начали заливать водой и грузить уголь. Прогноз на погоду был неутешителен. После некоторых раздумий Бирилев принял единственно правильное решение:

– Рисковать не будем, переждем равноденственные бури, а потом свое нагоним в океане

Дождавшись маловетрия, «Посадник» покинул Копенгаген, работая машиной. Плавание по узким и изобилующим подводными камнями Датским проливам всегда требует особого внимания и осторожности. До Ангольтских маяков шли в тумане, как в молоке, самым малым. Наконец, разглядели огни, и определяться стало полегче.

На выходе в Немецкое море вступили под паруса, но пары не прекращали. Делали до 10 узлов. Затем остановили машину и шли уже под парусами.

Прошли Английский канал и бросили якорь на Спитхедском рейде. Пошли дальше.

Из хроники плавания: «Корвет бежал под марселями и нижними парусами в галфинд по 10 и 10,5 узла... С рассветом с корвета увидели к югу милях в двух французский купеческий бриг, лежавший в дрейфе и выражавший все знаки бедствия».

Матросы, почти все участники севастопольской обороны, бедствию своих недавних врагов были даже рады:

– Ну и пусть, собака, тонет! Это их за Севастополь Господь карает!

Но командир думал иначе.

– Войны промеж нас нет, а потому будем спасать! – объявил он офицерам.

«Посадник» осторожно (чтобы ветром не навалило) спустился к нему. Капитан брига, срывая голос, кричал в мятый жестяной рупор:

– Мы бриг «Понт де Челс». Сели на риф. Разворотило все днище. Затем волной сбросило с камней. Сейчас же просто тонем. Команда не успевает откачивать воду, так как днище – одна дыра. Умоляю, помогите!

– Все будет хорошо! – отозвался командир «Посадника». – Мы вас спасем!

По приказу Бирилев мичман фон Шанц с двенадцатью матросами и помпой Доутона перебрались шлюпкой на борт тонущего брига и, засучив рукава, принялись за дело. Пока одни откачивали воду, другие заделывали пробоины. Вскоре течь была остановлена.

«Понт де Челс» взяли на буксир и притащили в Брест.

На Брестском рейде «Посадник» застал нашу и французскую эскадры. Французы сердечно благодарили Бирилева за спасение брига и людей. Когда же они узнали, что перед ними один из самых знаменитых защитников Севастополя, восторгу их не было предела.

Из-за противных ветров в Бресте пришлось несколько задержаться. Не теряя времени, за это время полностью обновили запасы воды, закупили и на пять месяцев провизии, причем по вполне сходной цене.

5 ноября «Посадник» под парами покинул Брест. Волнение было большое, но шли хорошо. Затем и вовсе поймали попутный ветер и вступили под паруса. Через неделю пришлось выдержать приличный шторм, а потом еще и утомительную, выматывающую зыбь. Затем была стоянка на Мадере, где запаслись хорошим вином и перевели дух.

После того как «Посадник» пересек тропик, Бирилеву удалось поймать ровный пассат, и дальше уже плыли, что называется, в свое удовольствие до самого Рио-де-Жанейро. Матросы вечерами пели:

Дуй, знай, ветер, поддувай,
Хоть риф марсельный валяй!
Хоть риф марсельный валяй!
Ничего! Свисти, качай!
Рифы, взяв у марселей,
Быстро все закончим.
У закрепленных снастей
Лежа лясы точим...

На переходе экватора по старой морской традиции провели ритуал с обряжением Нептуна. Во время посвящения в океанские мореходы Бирилев и другие офицеры откупались от Нептуна и его свиты вином, остальных бросали в купели. В Рио снова пополнили запасы и перевели дух. Из каждого порта Бирилев, как и положено, писал рапорты о ходе плавания в Морское министерство, а так как командир «Посадника» являлся и флигель-адъютантом императора, то писал прямо и ему, и великому князю Константину Николаевичу.

Из дневника великого князя Константина Николаевича: «Вечером (1 марта 1860 года. – *В.Ш.*) во время собрания читал рапорт Ратькова (командир клипера “Разбойник”. – *В.Ш.*), Селиванова (командир клипера “Опричник”. – *В.Ш.*), Бирилева и очень интересно про них толковали и спорили».

А «Посадник» уже разворачивал свой форштевень на мыс Доброй Надежды.

Из хроники плавания: «Выйдя в море, при ветре, идущем от ОНО, прекратили пары. Пролежав на SO до параллели 35° в южной широты, шли по ней и, придерживаясь по возможности этой широты, прошли 11 февраля 1860 года на вид мыса Доброй Надежды и того же числа стали фертоинг в Саймонс-Бее».

Стоя на шканцах, Бирилев с удовольствием подставлял лицо теплomu свежему ветру.

– Обратите внимание, господа, – обратился он к стоявшим рядом старшему офицеру лейтенанту Селиванову и штурману Чуркину. – Северный ветер здесь не разводит никакого волнения, несмотря на то что мы вынуждены «вогнуть все рифы», закрепить фок с гротом и спустить брам-стенги.

Селиванов с Чуркиным признались, что тоже удивлены столь необычным явлением.

В последующие дни ветер был сильный, но волна опять небольшая, и «Посадник» быстро мчался вперед, наматывая на лаг все новые и новые мили.

Попутный ветер был настолько устойчивым, что пятьдесят дней не вводили в работу машину.

Затем пришлось пережить шторм и в Индийском океане. Когда тот достиг максимальной силы, огромная волна вкатилась на палубу и унесла вельбот, переломив железные шлюп балки. Но, к счастью, обошлось без жертв.

– Никак местный Нептун взял свою добычу и успокоился! – комментировали происшедшее матросы.

– Никола-угодник сжалился над нами, сердешными! – на свой лад констатировал окончание шторма мичмана.

Всему плохому когда-то приходит конец. Стих и шторм. Попали еще в шквал с дождем, но это уже сущие мелочи. Потом опять настало время маловетрия.

– Вот так и живем: то густо, то пусто! – шутили на «Посаднике».

В один из дней штурман подпоручик Чуркин доложил командиру:

– Пересекаем тропик Козерога. Долгота 102°!

– Теперь пора ворочать на норд-ост! – выслушав, кивнул Бирилев. – Попытаемся поймать местный пассат.

Расчет оказался верным, вскоре снова поймали хороший ветер и помчались дальше.

Но вот впереди и огни Сингапура. Когда положили якоря на Сингапурском рейде, разглядели вдали фрегат «Светлана».

Радости-то было! Как приятно на другом конце земли вдруг увидеть свое судно, где много твоих товарищей и земляков. Бирилев съездил на «Светлану», переговорил с ее командиром капитан-лейтенантом Дрешером, после чего фрегат взял для экономии угля «Посадник» на буксир.

10 июня подошли к острову Гутслаф и увидели на якоре клипер «Наездник».

Спустя неделю «Посадник» прибыл на внутренний рейд Нагасаки. Полукругосветное плавание было завершено блестяще. Теперь корвет вошел в состав эскадры Китайского моря под началом капитана 1-го ранга Лихачева, сослуживца Бирилева по севастопольским бастионам.

Сразу же по прибытии в Нагасаки на Бирилева возложили наблюдение за больными матросами, которых доставляли в Нагасаки со всей эскадры Китайского моря.

– Пехотинцем и пластуном я уже побывал, теперь придется побывать и доктором! – почесал затылок капитан лейтенант.

Одновременно, не тратя времени попусту, на «Посаднике» занялись починкой котлов, но продвигалось это дело медленно, потому что японские заклепщики еще только учились. Пришлось нашим матросам самим брать в руки молотки и показывать, что и как надобно делать. В Нагасаки «Посадник» поступил в распоряжение Лихачева. Начиналась новая глава в жизни Николая Бирилева.

Остров посреди Корейского пролива

А взор Лихачева в это время уже был устремлен на маленький, но стратегически важный остров, лежащий посреди Корейского пролива, с ничего никому не говорящим названием Цусима. Корейский пролив и остров посреди него имели важное стратегическое значение, сравнимое с Гибралтаром, Мальтой и Аденом. А потому к Цусиме уже примеривались англичане. Они уже произвели гидрографическую съемку острова. Японский историк Синтаро Накамура писал: «Английский консул в Хакодате в “Памятной записке” сообщил: “Для нас срочной необходимостью является захват Цусимы...”» А некий капитан Уорд, зайдя в гавань Имосаки, уже напрямую требовал открытия Цусимы для английских судов. Обо всем этом, разумеется, знал Лихачев.

Еще в апреле 1860 года он записал в своем дневнике: «По слухам... англичане имеют виды на этот остров... мы должны там их предупредить». Не откладывая дела в долгий ящик, он тут же отправил докладные записки великому князю Константину Николаевичу и управляющему Морским министерством адмиралу Краббе с предложением опередить англичан и создать на Цусиме «военно-морскую станцию». В этом случае Россия получила бы незамерзающий порт на Тихом океане, который, «как часовой на страже», стоял бы посредине Корейского пролива.

Занятым китайскими делами англичанам было просто не до острова. К тому же в данный момент они весьма нуждались в посредничестве графа Игнатьева при переговорах с китайцами. Момент для занятия острова был самый подходящий, другого такого могло уже не случиться никогда. Надо было только действовать стремительно и решительно. Но письмо ушло уже несколько месяцев назад, а ответа все не было. Драгоценное время же уходило и уходило.

В мае 1860 года в Печилийском заливе на клипере «Джигит» он посвятил посланника в Китае графа Игнатьева в Цусимский проект.

– Я не исключаю, что именно вам великий князь Константин Николаевич поручит вести дипломатические переговоры в Эдо.

Но посланник на уговоры не поддался. От всех предложений Лихачева он вежливо уклонился, а едва капитан 1-го ранга откланялся, граф тут же отписал Горчакову срочную депешу с предупреждением о возможных осложнениях с японцами из-за ненужной инициативы моряков.

Признаем, что инициатива и предприимчивость Лихачева весьма превышала его официальные полномочия. Но ведь ему было тогда всего тридцать пять лет, а за плечами уже был Севастополь и унижение Парижского мира! Именно так же, как Лихачев, поступал в это же времени в далекой Средней Азии его соратник по севастопольским бастионам генерал Черняев. Генерал по своей инициативе взял штурмом непокорный Ташкент, продвинув границы России сразу на тысячу верст на юг, чем вызвал ужас англичан и истерику Горчакова. Это была плеяда людей, не боявшихся взять на себя ответственность государственную, если видели в том пользу для России. Именно они, молодые ветераны Севастополя, как никто другой, горели желанием взять реванш за недавнюю проигранную войну и возвеличить Отечество.

– Битва за Китай близится к концу, англичане ее явно выигрывают, но и мы не проиграли, зато опередили с занятием Приморья. Следующая схватка будет уже за влияние на Японию. И Цусима – козырный туз в предстоящей схватке. Владеющий этим островом сразу становится господином всех морских путей! Это понимаем мы, понимают и англичане. Теперь кто кого опередит! – откровенничал Лихачев, ужиная с командирами кораблей в своем салоне на «Светлане».

– Ну а что насчет этого думают японцы? – спросил один из присутствующих.

– Японцам тоже сейчас не до этой каменной скалы. У них сегун всю истребляет старых самураев и наводит новый порядок, а вот когда наведет, тогда к Цусиме без большой войны уже не подступишься! – вздохнул Лихачев.

– А чего тут ждать! Разводим пары и прямо к Цусиме! Поднимаем там флаг Андреевский. Пусть только после этого кто сунется! – вскочил со своего кресла всегда решительный и нетерпеливый Бирилев.

– Все это так, но нам надо хотя бы формальное разрешение из Петербурга, а на это, увы, надо время, которого у нас сейчас очень мало, – покачал головой командующий. – Эх, кабы мне прав малость поболее!

Затем перевел взгляд на Бирилева:

– А тебе, Николая, задание особое. Завтра же выбирай якорь и следуй в Нагасаки. Мы в здешних водах надолго, а потому надо устраиваться основательно. Гошкевич договорился о выделении нам земли в тамошней деревеньке Инаса. Посему начинай там строительство береговой базы.

– С чего начинать стройку-то? – поинтересовался командир «Посадника».

– С бани! – разом ответствовало несколько голосов.

* * *

Как это часто бывает в большой политике, в нее вмешались дела на первый взгляд совсем ничтожные, семейные. Ответ на письмо Лихачева был отправлен с чиновником для особых поручений губернатора Восточной Сибири майором Хитрово. Последний же только что женился в Петербурге и совсем не торопился покинуть молодую супругу. Казалось, можно было бы передать ответ по работавшему тогда телеграфу, но то ли по нерадению, то ли по чьему-то злому умыслу и этого сделано не было.

Разумеется, великий князь Константин и адмирал Краббе против приобретения Цусимы не были. Но все уперлось в Министерство иностранных дел. Узнав о намерениях Лихачева, канцлер Горчаков пришел в ужас:

– Мы только-только выбрались из крымского дерьма, а моряки снова хотят нас втянуть в драку с Англией! Да из-за чего? Из-за какого-то островка, о котором мы до сего дня и слыхом не слыхивали!

Только 12 декабря 1860 года, прибыв на клипере «Наездник» в Шанхай, начальник эскадры получил депеши из министерства и письмо от генерал-адмирала.

«С этим вместе ты получишь, – писал великий князь Константин, – мое официальное отношение вследствие твоей записки о Тсу-Сима; но чтобы ты его вполне понял, мне надобно написать тебе несколько объяснительных слов. Записку твою я читал государю в присутствии Горчакова 22 июля. Государь немедленно ее понял и понял всю действительную важность Тсу-Симы. Горчаков тоже не мог не признать этой важности, но по своей обыкновенной привычке побоялся, чтобы из этого не вышло политического вопроса и главное, чтобы нам из-за этого не перессориться с японцами. Он тотчас вспомнил о разнице положения, в которое себя поставили в Эдо Путятин и Муравьев: как с японцами мирно жил и ладил первый и как с ними чуть-чуть не поссорился второй, поднявши вопрос об Анове. Потом он говорил, что решительно не знает, кому это дело поручить, а что поручить его Игнатьеву, ему решительно не хочется. Кончил он тем, что просил меня его от этого дела освободить и что нельзя ли смотреть на него не как на дело дипломатическое, а как на вопрос чисто морской и поэтому поручить его тебе. Я, разумеется, был очень рад этому обороту и тотчас согласился: нам же лучше. Вот почему и написал я тебе, что дело это должно иметь характер морской сделки, а не дипломатического трактата. Дело в том, чтобы мы могли основать на этом острове морскую станцию а la Villafranca. Для этого никакой дипломатии не нужно, и никто этого лучше тебя самого не

сделает. Если можешь ты ограничиться местными сношениями с островскими властями или еще лучше безо всяких соглашений... но только так, чтоб от японцев не было официального протеста... Насчет твоих будущих действий ты сам лучший судья...»

Итак, проект Лихачева фактически отклонен. Впрочем, генерал-адмирал в письме своему бывшему адъютанту сообщил, что предложил «под его личную ответственность» попытаться заключить частную сделку с главой княжества Цусима относительно аренды участка земли для морской станции. При этом отдельно оговорив, чтобы эта сделка не вызвала протеста центрального правительства Японии и вмешательства западных держав. Лихачеву предлагали взять всю ответственность на себя!

Почти одновременно Лихачеву было велено немедленно отправить на Балтику и несколько кораблей своей эскадры. 15 января 1861 года скрепя сердце он составил отряд из корветов «Боярин» и «Воевода» и клипера «Джигит» под общей командой капитан-лейтенанта Майделя и отправил его в Кронштадт. И без того не слишком сильная, в сравнении с английской, наша эскадра совсем ослабла. А ведь как пойдут дела в случае занятия Цусимы, не знал никто. Оставшиеся корабли Лихачев собрал в Нагасаки. Пологие волны качали фрегат «Светлана», клипера «Опричник», «Наездник» и корвет «Посадник».

Не забывал между делами Николай Бирилев и опекать младшего брата, внимательно следя за его службой, помогая где советом, а где и нагоняем. Спустя несколько месяцев с «Разбойника» юнкера Алексея Бирилева перевели на фрегат «Светлана» к опытнейшему Ивану Бутакову. Служба под началом Бутакова – лучшая из школ. Когда же открылась должность вахтенного офицера на клипере «Наездник», Бирилев переговорил с его командиром капитан-лейтенантом Желтовым, чтобы тот взял брата к себе. Желтов согласился. Забегая вперед, скажем, что в тихоокеанских водах Бирилев-второй проплавал почти шесть лет, получив ни с чем не сравнимый опыт. В Кронштадт он вернется только в 1865 году уже мичманом и с орденом Святого Станислава 3-й степени на груди.

В тот раз Алексей приехал погостить к старшему брату с «Наездника». Еще недавний юнец, он теперь чувствовал себя настоящим «зейманом» и со знанием дела старался судить о флоте и о политике. Старший только слушал, как быстро мужаают мальчишки на палубе...

Историк флота А. Беломор писал об этих днях: «Однако ж и сильно запоздавшее, вероятно, не без ведома министра иностранных дел согласие генерал-адмирала на занятие острова было получено и равнялось приказанию, которое ни один морской офицер не мог тогда не попытаться исполнить, приложив все свои способности, старания и энергию к доведению дела до благополучного и желаемого конца. В те достопамятные в русской морской истории годы, когда, к величайшему несчастью, материальная часть за неимением денег была слаба и ничтожна, личный состав в особенности офицеров от самых младших субалтернов до адмиралов включительно вследствие неусыпных забот и попечений генерал-адмирала достиг высокого нравственного уровня».

Итак, время почти потеряно, боевых кораблей почти не осталось. Можно, казалось бы, и отказаться от затеянного? Никто бы Лихачева за это не осудил. И все же тот решился действовать, при этом отчаянно рискуя собственной карьерой, так как отныне все последствия он брал на себя. Что и говорить, смелыми были эти ребята, прошедшие севастопольские бастионы!

* * *

Едва англичане навели свой порядок в Китае, они тотчас же вплотную занялись делами японскими. В столице Японии Эдо временем, по своему обыкновению, интриговал известный русофоб английский посланник при японском дворе Рутерфорд Алькок. В Японское море вошла эскадра вице-адмирала Хоупа, флаг которого развевался на корвете «Инкаунтер». Теперь Алькоку с Хоупом нужен был только повод продемонстрировать силу. И повод нашелся

быстро. Когда в пьяной драке в Эдо был убит английский купец Роберт, японскому правительству был предъявлен счет на 110 тысяч фунтов стерлингов, а столица княжества Кагосима была бомбардирована и сожжена до основания.

Обитавший в Хакодате консул Гошкевич, в свою очередь, исподволь старался пакостить давним недругам, но как настоящий дипломат старался и пакостить по-дипломатически. Так, зашедшему в Хакодате командиру «Джигита» он предписал по пути в Бейтан заглянуть на остров Цусима (в ту пору название острова писалось как Тсу-Сима), а затем занять небольшим гарнизоном Новгородскую гавань.

Пытаясь наверстать упущенное, Лихачев начал переговоры с японцами. Начало их он переложил на своего флаг-капитана Мусина-Пушкина, а сам тем временем на клипере «Наездник» отправился на север Японского архипелага. Мусин-Пушкин должен провести предварительную работу. Он же подключится позже, когда наметятся хоть какие-то перспективы.

Из воспоминаний участника событий: «... Знакомство русских офицеров с только что приехавшим сюда в Нагасаки губернатором. День был назначен 2 ноября (речь идет о 1860 году. – *В.Ш.*). 20 человек русских офицеров отправились к губернатору, имея при себе двух переводчиков... Губернатор встретил нас в передней комнате и в сопровождении свиты, несшей его доспехи впереди, повел нас в одну из комнат, несколько не отличающуюся от первой... В этой комнате стояло 2 ряда столов, один для губернатора и его штаба, а другой – для русских офицеров. Остановясь в середине между столов, он приветствовал всех офицеров, спросил о нашем здоровье и о команде. Потом просил садиться... Разговор во время обеда велся очень хорошо. Лейтенант Корнилов, один из командиров судов нашей эскадры, так хорошо его вел, что осторожный японец, заметно было, разошелся и невольно стал задавать вопросы! Все разговоры велись через переводчиков, которые сидели ноги под себя, с обязательно наклоненными головами, в середине между рядами столов. Я и забыл сказать, что губернатор, его свита и мы помещались в креслах. Во время разговора Корнилов очень ловко высказывал европейцам, деликатно, хвалы; или замечал недостатки японцев... Потом высказал, что русские чрезвычайно рады, что их соседи – японцы будут скоро могущественная нация, сильная; что у них теперь есть военный паровой флот... Советовал поскорее завести лучшие пути сообщения между внутренними городами, устроить железные дороги. Японец слушал с большим вниманием и видимым сознанием пользы этого предложения... Разговаривая таким образом, мы у губернатора просидели около полутора часов. Пожелали взаимно всяких счастливых, обе стороны расстались, довольные друг другом. Он пригласил русских офицеров на праздник, называемый Минури, который назначен через 2 дня, 4 ноября. Он дается ежегодно в память основания Нагасаки». Обе стороны остались друг другом вполне довольны.

Присутствовал на этой встрече и флигель-адъютант Бирилев, корвет которого находился тогда в Нагасаки. Он от рассвета до заката занимался обустройством взятой в аренду земли в деревне Инаса. От фрегата «Аскольд», отремонтировавшегося в Инасе в 1858 году, остались казарма, шлюпочно-такелажный склад и кузница. Так как на нашей эскадре были трудности с сухарями, предприимчивый Бирилев решил построить небольшой сухарный завод, а заодно и дом для офицеров, ну и, конечно же, хорошую баню для всех.

Помимо этого командир «Посадника» исподволь начал заниматься еще одним важным делом. По собственному почину он тоже решил помочь командующему. Заручившись поддержкой губернатора Инасы, Бирилев попросил его составить протекцию цусимскому губернатору Со Цусима-но-ками – разрешить его корвету «Посадник» временно обосноваться в бухте Татамура, на полуострове Имосаки. Окаба Суруга-но-ками письмо написал, и Цусима-но-ками воспринял эту новость с должной учтивостью. Так было положено начало истории, ставшей впоследствии известной как Цусимский инцидент.

Спустя месяц капитан 1-го ранга Лихачев снова появился в Нагасаки. Мусин-Пушкин доложил о визите к губернатору Окаба Суруга-но-ками, Бирилев о своих начинаниях. Начальник эскадры одобрил действия подчиненных.

– Пока посвящать в наш план никого не будем, и держи свой визит на Цусиму в тайне! Далеко не всем наша затея по душе! – сказал он Бирилеву.

Из дневниковых записей Лихачева: «6 апреля. Гошкевич не разделяет моих видов на острове Цусима».

«29 января (1861 год. – *В.Ш.*) в 1-м часу приехал Гошкевич, которому объяснил, зачем ему надо быть в Эдо».

«31 января. Утром был Гошкевич и решил, что он шел на “Посаднике” в Хакодате, куда к нему вслед за ним приехал один из клиперов, на котором он пойдет в Эдо».

«1 февраля. Был опять Гошкевич. Переговорили о подробностях. Призвал Бирилева и объявил ему о назначении, приказав содержать в тайне. Гошкевич перебрался на корвет, где был обед...»

Что и говорить, советнику Гошкевичу затея моряков по душе не пришлась. Если бы затеваемое было одобрено Горчаковым, тогда бы и он расстарался, но идти на поводу авантюристов моряков – это не для него!

– Во-первых, я не намерен отступать от данных мне инструкций! А во-вторых, устройство новой морской станции на Цусиме идет вразрез со статьями нашего договора с Японией, подписанного графом Путятиным в 1858 году в Эдо, – выговаривал Гошкевич в сердцах Лихачеву.

– Договоры не вечны, но вечны наши интересы в здешних водах! В договор всегда можно внести поправку, а стратегически важную станцию провороним!

Но ко всем уговорам Лихачева старый дипломат остался глух. Между начальником эскадры и консулом пробежала черная кошка.

– Ладно! – плюнул в сердцах Лихачев. – Попробуем зайти с другой стороны! Передайте командиру «Джигита», что завтра мы выходим в Печилийский залив!

Из дневника Лихачева: «13/25 марта. Написал длинное письмо Гошкевичу, в коем старался его вразумить относительно того, что нам делать. Чрезвычайно боюсь его неосторожности и болтливости. Кроме того, он явился сюда один с пьяным лакеем, держит себя сам так грязно, так лишен всякого наружного достоинства и приличия, что он меня крайне беспокоит, как относительно японцев, так и Гарриса (английский консул в Нагасаки. – *В.Ш.*), который навязывается ему в дружбу. Просил Селиванова (командира клипера “Опричник”. – *В.Ш.*) наблюдать за второй частью и приказал назначить караул с офицером, которому вменить в обязанность вымыть и вычистить дом и содержать там порядок...»

Лихачев в Нагасаки нанес визит губернатору Окаба Суруга-но-ками, во время которого сумел его убедить в том, что занятие Цусимы русскими – несомненное благо для Японии.

– Вы получаете противовес против Англии! – убеждал Лихачев. – В этом случае любая из европейских держав, реши она усилить свое влияние в здешних водах, неминуемо войдет в конфликт с другими, а это европейская война! Японии при этом останется лишь пожинать плоды!

Окаба Суруга-но-ками в этом был с Лихачевым согласен.

– Вы мудрый человек, Федор-сан, и мне ваш план нравится! Но вам следует торопиться. У ваших соперников уже давно посольства в Эдо, а у вас только консульство в Хакодате!

– Совершенно с вами согласен, многоуважаемый Окаба Суруга-но-ками!

Лихачев торопится. После встречи он отправляет письмо великому князю Константину Николаевичу о том, что уже получил словесное согласие: «...посредством частной сделки с местными властями выговорить себе право устроить некоторые склады для наших судов на острове Тсу-Сима; вместе с тем правительство желало вести дело так, чтобы отнюдь не делать

из этого дипломатического вопроса и не входить ни в какие переговоры с правительством Тайкуна».

Что ж, теперь все мосты были уже сожжены...

Андреевский флаг над Цусимой

Теперь Лихачев думал, кому поручить столь ответственную и деликатную миссию. Раздумывал он недолго. Лучшей кандидатуры, чем Бирилев, не было. Между Лихачевым и Бирилевым отношения самые дружественные. За плечами обоих севастопольские бастионы. Когда Бирилев исполнял должность флаг-офицера у контр-адмирала Панфилова, Лихачев занимал аналогичную должность при вице-адмирале Корнилове. Да и по возрасту Лихачев был всего на два года старше своего боевого товарища. Служба службой, но наедине отношения были самые доверительные. А потому кому, как не Бирилеву, мог поручить столь деликатную миссию начальник Тихоокеанской эскадры!

Вызвал к себе командира «Посадника», объяснил ситуацию. Спросил напрямую:

– Я уже свою голову в петлю засунул! Теперь предлагаю и тебе взобраться на эшафот со мной. Рискнешь!

– Ваня! – усмехнулся Бирилев старому боевому товарищу. – Если помнишь, я от опасностей никогда не бегал. А потому полезем в петлю вместе!

20 февраля 1861 года «Посадник» из Хакодате вышел курсом на Цусиму и уже 1 марта бросил якорь вблизи деревни Осаки в западной части бухты Татамура (ныне залив Асо). Главой княжества Цусима в ту пору был Мунэ Ёсиери. По прибытии в Цусиму Бирилев заявил:

– Я хочу вручить главе княжества послание русского императора о готовящемся нападении англичан и обязательно встретиться с ним!

Мунэ Ёсиери с русским офицерами встретился, но все ограничилось чайной церемонией. Помимо этого князь отправил Бирилеву 20 литров sake и 20 куриц. Бирилев в качестве ответного дара передал ружье, бинокль и несколько бутылок вина. Князю подарки понравились, и отношения наладились.

О приходе русских Мунэ Ёсиери сообщил правительству бакуфу, но никакого ответа не получил. Престарелый Андо Нобумаса (глава тогдашнего японского правительства) был застигнут сообщением врасплох и откровенно не знал, что делать дальше.

Затем Бирилев добился разрешения Мунэ Ёсиери на обследование бухты Имоскака, куда корвет перешел 2 апреля. На следующий день команда сошла на берег, где была поставлена палатка и на флагштоке поднят русский флаг. Русские офицеры во главе с Бирилевым осмотрели берег и выбрали место, удобное для постройки склада и лазарета, а также ремонта корвета, поскольку необходимо было заменить фок-мачту и сделать понтоны для осмотра кормовой части корабля и дейдвудной трубы. Японские чиновники выделили в помощь русским матросам пятнадцать плотников и снабдили команду продовольствием. При входе с запада в бухту Татамура на скалистом островке Уси русские моряки установили сигнальный пост.

Лихачев дважды – в марте на клипере «Опричник» и в апреле на фрегате «Светлана» – посетил Цусиму и остался доволен действиями командира «Посадника». Бирилев в рапорте Лихачеву отметил дружелюбное отношение местного населения к русским. При рубке леса японцы указывали на лучшие деревья и помогали доставлять бревна. Очень им понравилась русская песня «Дубинушка». В начале апреля русские моряки и японские плотники приступили к строительству зданий морской станции. Предстояло построить коттедж для командира, больницы, бани, шлюпочные и угольные сараи и другие постройки. Во время отлива «заложили пристань и 20 футов ширины».

Бирилев для начала подарил Мунэ Ёсиери пару малокалиберных пушек из вооружения гребных судов. Для обучения японских мальчиков русскому языку на Цусиме была организована небольшая школа. Бирилев рапортовал, что «дружба царствовала во всей силе».

Однако, как явствует из японских источников, все наладилось не сразу. 12 апреля, когда русские матросы начали высадку на берег, жители деревни по инициативе крестьянина Ясу-

горо попытались воспрепятствовать этому. Ясугоро был убит, двух японцев русские взяли в плен, а остальные жители деревни разбежались. Волнение охватило весь остров, сложилась напряженная ситуация. Это событие встревожило Мунэ Ёсиери, но он успокаивал жителей, говоря, что «это дело государственное и следует обратиться по этому поводу к правительству бакуфу, мы направим туда гонца. Поскольку решается судьба дома Мунэ, прошу проявить преданность, чтобы не запятнать имени дома».

Затем все само собой успокоилось и отношения стали на самом деле вполне дружескими. Тем временем «Посадник» разоружился, сняли часть рангоута, и приступили к ремонту корабля. Часть команды занялась подсобным хозяйством и развела огород. Описная партия под руководством старшего штурмана корвета подпоручика Чуркина занялась промером глубин. Карты островов Цусима, составленные офицерами «Посадника», впоследствии были изданы Гидрографическим департаментом Морского министерства.

В мае в Цусиму приехал, наконец, уполномоченный правительства бакуфу Огури Тадамаса. Между ним и Бирилевым состоялась встреча. Огури вежливо потребовал ухода русских, но Бирилев отклонил требование и заявил, что «без приказа начальства из Цусимы ни за что не уйдет». Огури, напрасно прождав тринадцать дней, покинул Цусиму. Во время беседы Огури вручил Бирилеву документ, разрешающий встречу с главой княжества.

В конце концов, Бирилев сумел договориться с главным советником князя Мураока Ооми и губернатором острова Нии Моготииро. Участники совещания подготовили проект, где, между прочим, говорилось: «Князь Тсусимский вполне желает принять покровительство России во всех отношениях, во исполнение чего если Русское Правительство признает нужным держать здесь суда, то мы согласны охотно на это, и место от Хироуры до Имосаки включительно и по указанную черту отдать в распоряжение русских судов и под защиту их всю бухту Татамура, то есть от Усисима до Обунокоси. С другими нациями никакого дела иметь не будем. Мы просим Русское Правительство снабдить нас сколько будет можно новейшими огнестрельными оружиями, а также и просим русских обучать наших молодых офицеров новейшему военному делу... просим русских не нарушать наших древних обычаев и не стараться вскоренять их веру... Но все это мы можем выполнить только тогда, если не будет к тому препятствий со стороны нашего Правительства в Эдо».

Чтобы окончательно задобрить местную власть, Бирилев решил сделать ей поистине царский подарок. Из одиннадцати пушек, что были на корвете «Посадник», он передал в дар князю Со Цусима-но-ками – пять, к которым прибавил и комплект боеприпасов. Для обучения канониров были выделены опытные унтер-офицеры, понюхавшие пороху на бастионах Севастополя. Они передавали свои знания японцам. Цусимцы откровенно радовались, что с помощью великодушных русских они усилятся и правительство Тайкуна будет относиться к ним более уважительно.

2 июня 1861 года на Цусиму прибыли уполномоченные из Эдо – Огура Бунго-но-ками и Мидзогути Ясагуров, которым не было смысла ставить под удар свою репутацию и, может, карьеру. Бирилев показал им постройки морской станции, постарался объяснить выгоду от контактов с русскими. Уполномоченные не высказали никаких соображений, однако покинули остров довольными.

Что касается Лихачева, то он дважды – 27 марта на клипере «Опричник» и 16 апреля на фрегате «Светлана» – посетил Цусиму и остался доволен действиями командира «Посадника». Проверив, как идут дела у Бирилева, он направился в бухту Новгородская. Затем командующий эскадрой посетил посты Ольга, Владивосток, осмотрел бухты Врангеля и Находку. В его дневнике появилась запись: «Находка – прекрасное якорное место». И все же преимущества Цусимы как незамерзающего круглый год порта в Японском море были очевидны.

Круги на воде

Некоторое время пребывание «Посадника» на Цусиме удавалось сохранить в тайне. Сами японцы тщательно скрывали от британцев факт затянувшегося пребывания русских, чтобы он не стал прецедентом для аналогичных действий других держав. Официально считалось, что «Посадник» лишь периодически заходит на Цусиму, где занимается описанием ее берегов и промеркой глубин в прилежащих к острову бухтах. Но все тайное когда-то становится явным.

20 мая в бухту Имосаки зашли английский фрегат «Актеон», которым командовал капитан Уорд, и две канонерские лодки. Бирилев был чрезвычайно удивлен их появлением, но сумел сохранить хладнокровие. Он попытался наладить дружественные отношения с англичанами и с чисто русским радушием принял их, щедро поделившись с ними своими припасами, а также познакомил Уорда с хозяйством станции. В донесении Лихачеву Николай Алексеевич писал: «Отношения наши с японцами по-прежнему самые дружеские, во всех концах острова принимают наши шлюпки приветливо и гостеприимно...» В то же время цусимцы отказались дать какую-либо провизию и даже дрова англичанам. К сожалению, посещение английского корабля не прошло бесследно.

Английский посол Алькок немедленно прибыл к Гошкевичу:

– Вы обязаны отозвать свой корвет с Цусимы! Иначе будет не только международный скандал, но возможна и война!

– Увы, но командующий эскадрой мне не подчинен, – грустно качал головой наш консул.

– Самовольство ваших моряков возбуждает неудовольствие других держав, вследствие чего японское правительство боится сделать и для них какие-либо соответствующие уступки! – продолжал Алькок. – Я жду вашего решения!

Под давлением Алькока изменило свое отношение к Цусимскому делу японское правительство, явно не желая никаких обострений с англичанами. Пример строптивного Китая был еще очень свеж, а потому нагляден.

«В Эдо случилось новое происшествие, – информировал великого князя Константина Николаевича Лихачев, – опять заставившее правительство трепетать от гнева европейских держав, и в особенности Англии. Толпа японцев, принадлежавших к числу неблагонамеренных приверженцев партии Мито или просто преступников (ронин), напала ночью на дом английского посланника и ранила двух чиновников посольства. Дальнейших последствий дело не имело, но заставило слабое правительство сделаться более, чем когда-либо, уступчивым и подобострастным к требованиям англичан, а этим последним, которых в то же самое время поразило известие, что они были предупреждены на о. Тсу-Сима корветом “Посадник”, дало повод отыскать какую-то таинственную связь между этими двумя различными фактами. Не останавливаясь на опровержении такого толкования, можно заметить только, что на месте в Японии никто этому толкованию верить не мог, ибо настоящие или более близкие причины нападения на г. Алькока всем хорошо известны. Японское правительство, готовое на всякие уступки, чтобы успокоить г. Алькока и подчиняясь более и более английскому влиянию, которое не встречает в Эдо решительно никакого противодействия, согласилось на разные требования, из коих нам известны пока: отправление посольства в Англию на английском казенном пароходе и представление англичанам исключительного права делать опись всех берегов Японской империи...»

В возмещение морального урона англо-японским отношениям Алькок потребовал немедленно выдворения русских с Цусимы, грозя карательными мерами адмирала... И японцы согласились уладить конфликт так, как пожелали англичане. Ситуация сразу же зеркально поменялась. Теперь уже Гошкевича взяли в оборот и японские чиновники, грозя выдворением

нашего флота из Хакодате. Делать нечего, Гошкевич уступил требованиям и направил письмо Лихачеву с предписанием отозвать корабль, грозя международными санкциями.

Теперь уже центральное правительство Японии решительно выступило против присутствия наших на Цусиме. Оно дало указание губернатору Хакодате Мурагаки Авадзи вступить в переговоры с русским консулом И.А. Гошкевичем о «принятии надлежащих мер с тем, чтобы немедленно удалить русский военный корабль из Цусимы». Параллельно правительство обратилось за посредничеством к английскому посланнику Алькоку, который в середине августа 1861 года отправил на Цусиму своего секретаря Олифанта с отрядом из двух кораблей под командованием вице-адмирала Хоупа. Последний незамедлительно послал письма на имя Лихачева, где требовал удаления русского корабля. Лихачев, находившийся во Владивостоке, получил письма от Гошкевича и решил отозвать Бирилева и с этим приказом отправил на Цусиму «Опричник», о чем и сообщил в письме Гошкевичу в Хакодате.

Из письма графа Игнатьева: «Японцы согласились на все требования флигель-адъютанта Бирилева. Строения были возведены в бухте Имносаки (Имосаки. – *В.Ш.*), материалы и рабочие из туземцев (то есть японцев. – *В.Ш.*) доставлялись по распоряжению чиновников. Между тем внимание англичан возбуждено было продолжительным пребыванием нашего корвета в порту, который они осматривали еще за год перед тем; два раза английские суда приходили на Цусимский рейд, а в августе прибыл начальник Английской эскадры. Адмирал Поп (адмирал Хоуп. – *В.Ш.*) вступил в переписку с флигель-адъютантом Бирилевым и затем отправился в наши гавани Приамурской области для свидания с контр-адмиралом Лихачевым (он тогда еще был капитаном 1-го ранга. – *В.Ш.*). Не встретившись с ним, адмирал Поп обменялся письмами с начальником эскадры нашей по поводу стоянки корвета “Посадник” на острове Цусима. В это время суда наши (корвет и клипер) были отозваны контр-адмиралом Лихачевым для отстранения дипломатического вопроса. Перед уходом последнего нашего судна, клипера “Опричник”, строения, возведенные нами на берегу, были сданы японцам, и Княжеский губернатор острова прислал письменное удостоверение, что все постройки и запасы, оставляемые нами в Имосаки, будут сохраняться в целости. Между тем англичане старались всячески возбудить опасение центрального японского правительства в Эдо. Во время стоянки корвета “Посадник” в Цусиме, приходили несколько раз военные суда японские, и был прислан военный губернатор нагасакский для переговоров с командиром корвета. Дружественные отношения между нашими и японцами не были прерваны, хотя хакодатский губернатор выставлял неоднократно консулу нашему Гошкевичу незаконность пребывания судна нашего в Цусиме. Наконец губернатор объявил Гошкевичу, что прислан из Эдо формальный протест по поводу сего обстоятельства, то он не передает этот несвоевременный протест нашему консулу и возвращает его назад в Эдо. Так, не меняясь, дубликат протеста дошел ныне до Петербурга, вероятно через посредство англичан».

7 сентября после теплого прощания с жителями острова Бирилев покинул Цусиму. Вспоминая об этом, он впоследствии писал: «Множество шлюпок с чиновниками выехало на середину залива ожидать прохода корвета, и когда корабль поравнялся с ними, они махали и кричали русское “ура”». На острове остались различные постройки, склады леса и пр. Князь Цусимы через своих поверенных и позднее губернатор Хакодате от лица японского правительства обязались сохранить все в целости впредь до востребования русскими.

«Посадник» покинул Цусиму, однако там остался «Опричник», а через некоторое время пришел клипер «Абрек», но в конце сентября оба клипера были вынуждены окончательно покинуть Цусимские острова.

Всегда боявшийся обострений с Англией, Горчаков предписал консулу Гошкевичу разъяснить правительству бакуфу, что военно-морская станция на Цусиме была основана Лихачевым и Бирилевым без санкции русского правительства. Японское правительство выразило удовлетворение этим объяснением, и на этом инцидент был исчерпан. Впоследствии адмирал

Лихачев писал: «Одного только мы, может быть, достигли: не дали Англии захватить этот остров». Однако теперь, когда министр иностранных дел официально отказался от российских офицеров, их действия можно было считать пиратскими! Ни Лихачев, ни Бирилев не знали, как поступят теперь с ними в Петербурге. Заступится ли за них великий князь Константин, как отнесется к происшедшему император?

Наши уже покинули Цусиму, а англичане все никак не могли успокоиться. Из Лондона переслали весьма резкую ноту в Петербург. Дело принимало скандал мирового уровня. Отношения с Англией обострились до предела. Под нажимом англичан с протестом выступило и правительство Японии.

– Как можно снова провоцировать войну с Англией, когда мы еще не очухались от предыдущей! – топал ногами министр иностранных дел Горчаков. – Я не успеваю тушить пожары: то Черняев со штурмом Ташкента, то Лихачев с его Цусимой. Когда же угомоняться наши генералы и адмиралы! Надо срочно что-то предпринимать.

23 декабря 1861 года в Зимнем дворце собрались члены Особого комитета, который созывался только по самым важным делам. Сейчас был именно такой случай.

Один за другим рассаживались в креслах министр иностранных дел князь Горчаков, военный министр генерал от инфантерии Милютин, министр финансов и сенатор Княжевич, генерал-адъютант адмирал Путятин, бывший директор Азиатского департамента МИДа, а ныне сенатор генерал-лейтенант Ковалевский. При Горчакове два важных чиновника – директор Азиатского департамента генерал-адъютант граф Игнатъев, начальник отделения, отвечающий за протокольную часть Азиатского департамента МИДа, барон Остен-Сакен. Председательствовал на заседании генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич. Рассматривался же вопрос о так называемом Цусимском деле.

Вначале граф Игнатъев коротко изложил историю вопроса и ход исследований, проведенных Азиатским департаментом. Члены комитета ознакомились с донесениями российского консула в Хакодате Гошкевича, письмами Тайкуна к императору Александру II, двумя посланиями Горчакову от японского правительства, перепиской командиров наших судов в Тихом океане.

Затем граф Игнатъев зачитал справку «По делу об острове Цусима»: «Положение острова Цусима в Корейском проливе побудило Начальника эскадры нашей (контр-адмирала Лихачева. – *В.Ш.*) желать ознакомиться с этим островом вполне и предупредить другие нации. С этой целью, одобренною правительством, отделен был на остров Цусима, в феврале сего года, от эскадры нашей в Китайских водах, для исправления на кораблях повреждений, командир судна флигель-адъютант Бирилев, приступил к составлению описи острова при содействии местных властей и вошел в сношение с высшими чиновниками князя, владеющего островом Цусима, о снабжении корвета всем нужным, о беспрепятственном производстве описей и снятии карт и об отведении для русских избранного нашими моряками места для постройки рабочего сарая, казармы, госпиталя, бани и проч...»

К чести великого князя, он не стал уваливать и полностью признал свою вину в разразившемся скандале.

– Господа, это я разрешил начальнику эскадры под его личную ответственность заключить частную сделку с князем Цусимы относительно аренды берегового участка для стационара, – заявил он. – Правда, как генерал-адмирал, я предупредил Лихачева, чтобы пребывание «Посадника» на Цусиме не переросло в дипломатическую плоскость и не вызвало неудовольствие со стороны иностранных держав. Поэтому я, как председатель Особого комитета, хотел бы знать точку зрения членов комитета, затем выработать единый взгляд на этот инцидент и предоставить документ на усмотрение государя императора.

После недолгих обсуждений членами комитета было решено следующее: Бирилеву немедленно покинуть Цусиму. В столице еще не знали, что он уже три месяца назад как ее

покинул. В остальном решено было оставить дело в том положении, в котором оно теперь находится, то есть довольствоваться строениями в консульстве нашем в Хакодате, а японцев обязать принять на хранение наши постройки на острове Цусима. Гошкевичу было велено объяснить происшедшее досадным недоразумением, не имеющим никакого отношения к дружбе двух государств. Контр-адмиралу Попову на будущее было приказано судам нашей эскадры в Тихом океане разрешить заходить в Цусимский рейд лишь кратковременно, поддерживая дружественные отношения с жителями и отвечая в случае запроса иностранных судов, что заходили только чиниться на том же основании, как и во всякий другой порт на японских берегах. При этом контр-адмирал Попов должен был внимательно следить, чтобы англичане не учредили своей станции на острове. Но японцы были настороже, и ни о какой иностранной базе на острове уже не могло быть и речи.

– Что ж, может, мы в чем-то и перегнули палку, но теперь уж англичанам Цусима тоже не светит. К тому же пока мы морочили им голову с этим островом, они не мешали нам столбить Приморье, а это дорогого стоит! А потому, что бы дальше с нами ни было, свой долг перед Отечеством мы исполнили! – доверительно говорил Лихачев Бирилеву.

Тот лишь усмехнулся:

– Ну, нам, Ваня, не привыкать. Мы же севастопольцы, прорвемся!

Обиженный недоверием в цусимском вопросе, Лихачев потребовал для себя отставки. Управляющий Морским министерством адмирал Краббе воспротивился. В конце концов, Иван Федорович согласился числиться в резерве. Лихачев взял отпуск «для излечения болезни» и уехал за границу. Больше в боевой строй он уже не вернется. А Россия потеряла прекрасного боевого адмирала. Тихоокеанскую эскадру принял контр-адмирал Попов, тоже из нахимовских воспитанников.

Намерения англичан подтвердили результаты беседы Горчакова с британским послом лордом Нэпиром, который в ответ на просьбу русского министра иностранных дел дать обещание, что Англия «никогда не завладеет Цусимою», уклонился от ответа. Историк В. Гузнов пишет: «Цусимский инцидент, в котором отразилось столкновение английских и русских интересов, еще раз подтвердил стремление России осуществить свои цели дипломатическим путем, сохраняя мирные отношения с Японией, в отличие от военного нажима и агрессивных действий западных держав».

* * *

После демонстративного отъезда за границу Лихачева, во всех грехах был обвинен Бирилев. Читая письма друзей, Бирилев недоумевал:

– С чего мне завидовать! Что флигель-адъютанское звание да Георгия получил, так ведь нет ничего проще – иди в бой первым, а уходи последним! Что остров японский занял, так не о себе же пекся.

Историк российского флота А. Беломор впоследствии писал: «Имя покойного Н.А. Бирилева, одного из главных действовавших в этом (Цусимском. – В.Ш.) эпизоде лиц, нередко подвергалось легкомысленным и ни на чем не основанным порицаниям. Ему приписывали неудачу, его вину в ней. Даже в среде моряков наших эпизод этот или малоизвестен, или передается и толкуется неверно, со слов посторонних людей, не имеющих привычки церемониться с истиной».

Английские газеты требовали отдать командира «Посадника» под суд за самоуправство. Неожиданно англичан поддержал и Гошкевич. Он собирал слухи и отправлял их в Петербург: «Именно честь донести следующее: Цусимское дело, как уже известно департаменту, решено, и решено почти тем способом, какой указан настоящим предписанием. Японцы остались не совсем уверены в том, что командир корвета “Посадник” зашел на остров Цусима по необхо-

димости, для исправления повреждений, хотя и выражают это сомнение одними намеками. Вообще же, этот поступок не относят нисколько к распоряжениям нашего Правительства, но главную идею приписывают начальнику эскадры, а подробности, особенно насильственные меры, падают на командира корвета, который поэтому прозван Цусимским героем и сравнивается с Хвостовым и Давыдовым. Я говорю не только о мнении правительства, но и о толках в народе...»

Причиной столь недостойного поведения Гошкевича была его личная неприязнь к сева-стопольскому герою. Горчаков с удовольствием передавал все слухи Константину Николаевичу. Тот, однако, показал себя в данном случае весьма порядочно.

– Я не намерен верить слухам! – заявил он. – Пока якобы недостойному поведению Бирилева нет никаких подтверждений, я по-прежнему остаюсь к нему доброжелательным!

Одновременно он велел управляющему министерством Краббе сделать запрос командиру эскадры Попову, чтобы он доложил по существу вопроса.

Вице-адмирал Краббе запросил Попова о «неблагоприятных слухах» и вместе с тем потребовал: «Объявить командирам наших судов высочайшую государя императора волю, чтобы как сами они, так и их подчиненные старались в сношениях своих с японцами упрочить за нами то хорошее мнение, которым русские по справедливости пользовались там преимущественно перед другими народами».

Спустя восемь месяцев, получив от Попова ответ, Краббе решил раз и навсегда положить конец кляузам дипломатов. Он переслал министру Горчакову письмо командующего эскадры Тихого океана со своей припиской: «Его сиятельству князю А.М. Горчакову. 18 августа 1863 г. № 1661. В январе сего года ваше сиятельство препровождали ко мне для прочтения донесение нашего консула в Хакодате о неблагоприятных слухах, которые ходили в Йокогаме о командире корвета “Посадник” флигель-адъютанте Бирилеве. Доставленные ныне вследствие предписания моего начальнику эскадры Тихого океана объяснения по сему предмету я повергал на высочайшее воззрение, и государю императору благоугодно было повелеть сообщить оные вашему сиятельству. Во исполнение этой высочайшей воли, имею честь препроводить к вам копию донесения контр-адмирала Попова от 28 мая сего года № 44». Начальник эскадры Тихого океана контр-адмирал А.А. Попов: «Управляющему Морским министерством Краббе... Я имею честь донести, что до меня не доходили никакие неблагоприятные слухи относительно поведения флигель-адъютанта Бирилева в Японии; напротив, как в Хакодате, так и в Нагасаки при свидании с местными губернаторами я не мог не заметить их особенного расположения лично к нему, расспросы о его здоровье, о том, скоро ли он возвратится в их порт, просьбы о передаче ему поклонов и проч. я слышал от них. Только в отношении к г. Бирилеву, чего, конечно, не могло бы быть, если бы слухи, изложенные в вышесказанном предписании имели какое-либо правдоподобие. По прибытии в Хакодате, а впоследствии и в Нагасаки я соберу самые подробные сведения о причинах, послуживших основанием к этим неблагоприятным слухам, а теперь спешу доложить вашему превосходительству, что сколько мне известно, то г. Бирилев во время пребывания в Японии при сношениях с местными властями обнаружил особенные, даже позволю себе сказать, замечательные способности и искусство приобрести всеобщее расположение, соединяя вместе с тем твердость в преследовании интересов службы его величества, что и было в числе главных причин, по которым я представлял о подчинении ему клиперов “Разбойник” и “Наездник”, которых после катастрофы с “Опричником” я считал своим долгом отправить не иначе как под конвоем судна большего, чем они ранга».

На этом Цусимское дело было предано забвению.

Дорога домой

С 29 июня по 3 ноября «Посадник» чинил котлы в Нагасаки, а потом был отправлен за почтой в Шанхай.

– Господи подай, уплываем в Шанхай! – шутили тогда на корвете.

В Шанхае «Посадник» загрузился на четыре месяца провизией и шкиперскими материалами, после чего взял курс к устью китайской реки Пейхо, что в провинции Хэбэй. Там деньги и строительные материалы передали на стоящий в починке клипер «Разбойник» и снова повернули в Шанхай, а оттуда уже вернулись в Нагасаки. Вернувшись, вытянули стоячий такелаж, починили паруса и загрузились углем. Покинув Нагасаки, взяли курс на Хакодате. Был уже февраль, и мороз изрядно донимал верхнюю вахту, а тут еще и сильный ветер. В Хакодате пополнили запасы. Не удержавшись, Бирилев, проходя мимо, еще раз мимолетом завернул на Цусиму. Увы, кроме разочарования его там уже ничего не ждало.

10 октября 1862 года «Посадник» отправился в неблизкий обратный путь. Вначале зашли в Гонконг, где простояли почти месяц, а затем взяли курс на Манилу и Сингапур.

10 января Бирилев получил окончательный приказ идти в Кронштадт. Обратный путь прошел без сколько-нибудь заметных происшествий.

Из хроники плавания корвета «Посадник»: «Перезимовав в Гревсенде, клипер в марте месяце 1863 года получил предписание идти в крейсерство у Курляндских берегов. 7 апреля вышел из Гревсенда, 8-го продолжил плавание в Немецком море под парами по причине маловетрия, а 10 апреля бросил якорь на Копенгагенском рейде, все время не прекращая паров. 14 апреля вышел из Копенгагена, а 16 апреля прибыл на Либавский рейд, где и стал на якорь. То, что корвету не разрешили сразу возвращаться в Кронштадт, а оставили крейсировать у курляндских берегов, было связано с очередным мятежом в Польше. Через море в Курляндию мятежники получали контрабандное оружие и другие припасы. Поэтому оставшиеся в это время на Балтике наши корабли были переведены в Либаву».

* * *

Пока Бирилев штормовал в океанах, его терпеливо ждала влюбленная Маша Тютчева. При этом все семейство Тютчевых и их друзья знали, что к юной Марии неравнодушен известный поэт Яков Полонский, давний друг Федора Тютчева.

Полонский был личностью в российских поэтических кругах известной. Вся его поэзия – сплошное признание в любви окружающей природе. В знакомцах и друзьях у поэта состояли Гоголь и Шевченко, Чехов и Аксаков, Достоевский и Некрасов, Тургенев и Фет. Особую дружбу Полонский водил с Тютчевым и был частым гостем в их доме. Ни для кого не было секретом, что он питает самые нежные чувства к Мари и мечтает видеть ее своей спутницей жизни. Ей он посвятил свое известное стихотворение «И рассудок, и сердце, и память губя...».

Полонскому все сочувствовали. Да и к чему Мари какой-то шальной моряк, когда есть куда более интересная партия, ведь у поэтичной девушки столько общих тем с Полонским. Ну а о чем ей говорить с этим Бирилевым, который, кроме как о своих драках с французами да о штормах, ни о чем и говорить не умеет!

Но Мари, увы, взаимностью хромому бородатому вдовцу (старшему ее более чем на 20 лет) не ответила. К чему молодой жизнерадостной девушке связывать свою жизнь с пожилым, вечно плачущимся на судьбу дядькой! Героем ее сердца был совсем другой...

В конце 1860 года Полонский сделал Маше официальное предложение, но потерпел полное фиаско. На прикроватном столике Мари Тютчевой уже стояла в резной рамочке литография того, кому она уже навеки отдала свое сердце, – молодого флотского офицера в лихо

заломленной фуражке и с Георгиевским крестом на груди. В те дни девушка жила не слишком частыми, но полными любви письмами, пахнувшими кораблями и океаном.

После отказа обиженный Яков Полонский перестал бывать у Тютчевых и принялся писать горестные стихи о своей одинокой доле. Но вскоре передумал и нашел утешение в объятиях пышногрудой Жозефины Рюльман, отвергшей перед этим небезызвестного революционера Лаврова. Впрочем, и Лавров, как известно, нашел утешение в революционной борьбе. Так что со временем все у всех устроилось...

* * *

А в Европе между тем кипели страсти куда масштабней и опасней для России, чем возня вокруг скалы в Тихом океане.

Летом 1860 года в Царстве Польском, входившем в состав Российской империи, произошли волнения. К началу 1863 года ситуация там чрезвычайно обострилась: озлобленная отменной крепостного права, враз обедневшая мелкопоместная шляхта нападала и грабила поезда. В Европе сразу подняли шум о новом польском восстании, а действия армии по прекращению разгула бандитизма были сразу превращены газетами в карательную операцию.

Россия попала в тяжелое положение. Англия только ждала повода, чтобы снова обострить ситуацию. На продажную Австрию тоже не было никаких надежд. Не было особой надежды и на поддержку Пруссии. Ухудшились отношения и с Францией.

Польские дела вызвали напряженность и на Тихом океане. В составе нашей Тихоокеанской эскадры под командованием контр-адмирала Попова тогда входили корветы «Богатырь», «Новик», «Рында», «Калевала» и «Посадник», клипера «Абрек», «Гайдамак», «Наездник» и «Разбойник». Силы английской эскадры на Тихом океане были куда больше. Если же принять во внимание и французскую эскадру в Кохинхине и Китае, то положение становилось почти безнадежным.

К этому времени пришла пора и «Посаднику» возвращаться в Кронштадт. На Балтику отправлялись одновременно три корабля, и Попов определил командиром этого отряда именно Бирилева как самого опытного и ответственного. Перед самым уходом из Хакодате командир «Посадника» был произведен в чин капитана 2-го ранга.

Оценивая действия Бирилева, в отчете генерал-адмиралу, датированном декабрем 1861 года, Лихачев писал: «В продолжение полугода, встречая более чем обыкновенные препятствия, он умел не только вселить к себе общее доверие и миролюбивым образом достигнуть всего, что мы могли только искать, но если бы его действия были сколько-нибудь поддержаны в Эдо, то нет сомнения, что мы утвердились бы на острове Тсу-Сима прочным и невозвратным образом». Что ж, Бирилев сделал все возможно и невозможное, чтобы Цусима стала нашей. Остальное уже от него не зависело...

Зять поэта

В Кронштадте на причале Усть-Рогатки Бирилева с букетами цветов в руках встречали две девушки: сестра Анна и подруга сестры несколько смущенная Мари Тютчева.

Роль Маши Тютчевой в последующей судьбе нашего героя весьма велика, а потому позначимся с ней поближе. Родилась Мария Тютчева в Мюнхене в 1840 году. Биографы Тютчева единодушно отмечают, что она была особо любима своим великим отцом. Маша росла девушкой красивой, умной и романтической. Вела любопытный дневник, весьма ценимый ныне биографами ее отца:

«Петербург. 16/28 января – 29 февраля/12 марта 1864 г.

16/28 января 1864 года... Вечер провела у Паниных... была там с папá.

21 января/2 февраля... Папá обедал у Блудовых.

23 января/4 февраля... Сегодня огромный бал у княгини Кочубей.

24 января/5 февраля. Слушала рассказы папá о великолепиях вчерашнего бала, у него, между прочим, нога болит.

25 января/6 февраля. Папá хуже сегодня, он целый день пробыл дома.

26 января/7 февраля. Мама́ пробыла всю ночь на ногах. Папá лучше, но ночью у него был жар... Пришел Полонский, за ним Владимир Николаевич Карамзин...

28 января/9 февраля. Тургенев был и просидел довольно долго... Полонский обедал и читал свою драму “Разлад” (которую начал в Овстуге) ...

10/22 февраля. Вечером были Charles, Новикова и Майков. Полонский был зван, но отказался болезнью. Сидели поздно, Майков читал много стихов.

20 февраля/3 марта. Папá принес “Листок” Долгорукова, где он поместил гнуснейшую статью на него и на его стихи к Суворову...

26 февраля/9 марта. После обеда были все в Русском театре, остались на одну пьесу “Свои люди сочтемся”...

29 февраля/12 марта. Папá обедал у Горчакова».

Будучи дочерью великого поэта, Мария и сама была не чужда поэтического таланта. На вечерах в доме Тютчева его друг поэт князь Петр Вяземский в шутку звал маленькую Машу майором, в память семейного спектакля, где Маша играла мужскую роль майора. В 1861 году она написала ему:

Когда-то я была майором,
Тому уж много, много лет,
И вы мне в будущем сулили
Блеск генеральских эполет.
В каком теперь служу я чине,
Того не ведаю сама,
Но к вам прошусь я в ординарцы,
Фельдмаршал русского ума.

Поэт ей ответил стихотворением, желая ей счастья и новых высот в творчестве:

Любезнейший майор, теперь ты чином мал,
Но потерпи, и будет повышение;
В глазах твоих читаю уверенье,
Что будешь ты, в строю красавиц, генерал.
А в ожидании побед своих и балов,

Учись, трудись, – и ум, и сердце просвещай,
Чтоб после не попасть, майор мой, невзначай,
В разряд безграмотных, хоть видных генералов.

В день восемнадцатилетия Марии 23 февраля 1858 года Федор Тютчев написал дочери одно из своих знаменитых стихотворений:

Когда осмнадцать лет твои
И для тебя уж будут сновиденьем, —
С любовью, с тихим умилением
И их и нас ты помяни...

...Стоя на кронштадтском причале с Машиным букетом цветов, Бирилев был смущен.

– Это мне?

– Да! – потупила взор покрасневшая девушка.

Оба уже поняли, что влюблены друг в друга и что эта любовь на всю жизнь...

По возвращении в Кронштадт Бирилев был сразу же повышен в должности и определен командиром новейшего винтового фрегата «Олег». Тогда же его пожаловали крестом «За службу на Кавказе» за бывшие черноморские дела против горцев.

А вскоре Бирилев сделал Маше Тютчевой предложение руки и сердце. Девушка с радостью согласилась. При участии императрицы и ее фрейлины Анны Тютчевой молодые были помолвлены. Друзья Бирилева радовались его решению вступить в брак, считая почему-то, что с началом спокойной и размеренной семейной жизни его болезнь пройдет сама собой.

По случаю помолвки поэт Вяземский посвятил Марии Тютчевой стихотворение, начинавшееся словами: «Я знал майором вас когда-то...»

Что касается Федора Ивановича Тютчева, то он выбором дочери был откровенно недоволен. Появление жениха совпало для Тютчева с досадным инцидентом между поэтом и генерал-адмиралом великим князем Константином Николаевичем. Не так давно Тютчев неожиданно для себя получил пакет с надписью: «Его превосходительству Федору Ивановичу Тютчеву от великого князя генерал-адмирала для будущего бала». В пакете оказались очки. Этот непонятный подарок заставил Тютчева предположить, что на балу у Анненковых, за два дня до этого, он не заметил великого князя и не поклонился ему. Зная, что генерал-адмирал отличается грубостью, Тютчев принял очки за «урок» с его стороны. Раздраженный, он тотчас ответил Константину Николаевичу достаточно едкими стихами. «Боюсь, чтобы не вышло истории», – написала в своем дневнике испуганная дочь Маша. Как выяснилось, обиделся Тютчев совсем напрасно. Дело в том, что в Михайловском дворце готовился костюмированный бал, на котором Тютчев и Константин Николаевич должны были появиться в одинаковых домино. Будучи близоруким и не желая быть узнанным по своим очкам, великий князь и отослал еще нескольким участникам такие же очки. Впрочем, Константин Николаевич на стихи Тютчева не обиделся и перевел все в шутку. Однако неприятный осадок у Тютчева от письма генерал-адмирала остался. И надо же такому случиться, что именно в это время любимая дочь объявляет своим женихом именно флотского офицера, да еще любимца великого князя!

Как бы то ни было, но помолвка состоялась. Затем Маша, по настоянию отца, уехала в Ниццу. Влюбленные снова разлучились. Но теперь уже ненадолго.

Как раз в это время на плававшем в Средиземном море фрегате «Олег» потребовалась замена командира. Командовавший фрегатом капитан 2-го ранга Андреев тяжело заболел. Узнав об открывшейся вакансии, Николай немедленно явился к великому князю Константину.

– Но ведь ты только с Тихого океана, не лучше ли немного отдохнуть и заняться здоровьем! – засомневался великий князь, наслышанный о жутких головных болях Бирилева.

– Я здоров и желаю служить на «Олеге»!

– На «Олеге» так на «Олеге», – пожал плечами генерал-адмирал и подписал приказ о назначении.

Не задерживаясь и дня в Петербурге, Бирилев поспешил в Ниццу, чтобы встретиться с любимой. По имеющимся у него сведениям, «Олег» в это время чинился в Пирее, и у его нового командира было несколько недель для того, чтобы провести их вместе с невестой.

В Ницце Николай с Машей подальше от многочисленной родни невесты и обвенчались. Предполагалось, правда, прибытие туда отца. Но судьба распорядилась так, что Федору Ивановичу в ту пору было не до свадьбы любимой дочери. Совсем недавно он похоронил главную любовь своей жизни Елену Денисьеву, а следом за ней почти одновременно ушли из жизни и дети от нее – четырнадцатилетняя Лена и десятимесячный Коля.

Ницца – жемчужина Франции, совсем недавно доставшаяся ей от Италии. Но европейская аристократия уже успела по достоинству оценить этот прекрасный курорт. На Лазурный Берег потянулись любители красивой жизни и просто желающие посмотреть мир. Много было приезжих и из России. Федор Тютчев уже написал свои бессмертные строки:

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет – и не может...

По стечению обстоятельств в дни венчания Николая и Мари в Ницце там умирал старший сын императора Александра цесаревич Николай.

Федор Тютчев писал из Петербурга:

Сын царский умирает в Ницце —
И из него нам строят ков...
«То божья месть за поляков» —
Вот что мы слышим здесь, в столице...
Из чьих объятий диких, узких,
То слово вырваться могло б?..
Кто говорит так: польский поп
Или министр какой из русских?

Венчание по этой причине прошло очень скромно. Присутствовали в основном морские офицеры со стоящих в Ницце наших кораблей и несколько знакомых семьи Тютчевых, оказавшихся в это время на Лазурном Берегу.

Маша была очень грустна.

– Ой, не к добру, что при нашем венчании рядом умирает цесаревич, не будет нам с тобой счастья! – плакала она вечером, уткнув лицо в плечо Николая.

Тот гладил жену по голове и, как мог, успокаивал.

10 марта 1864 года капитан 2-го ранга Николай Бирилев был уже в Пирее и принимал под начало фрегат «Олег».

А спустя каких-то семь дней Бирилев вывел «Олег» в море. Вначале зашли на Парос, затем в Наварин. На Наваринском рейде салютовали греческому фрегату с королем Греции Георгом I на борту. Затем «Олег» направился к острову Корфу.

Из хроники плавания: «22 июня фрегат прибыл в Корфу. В этот же день перешли к острову Пиксо и, не останавливаясь на якоре, продержались около бухты Гайо до 2 часов, а к вечеру стали на якорь на северном рейде острова Санта-Муара. 15-го числа снялись с якоря и

перешли в острову Итака, где и держались под парами, и в этот же день бросили якорь в Мессалонском рейде. В полночь на 17-е снялись с якоря и утром прибыли на остров Кефалония, в Аргостольскую бухту. 19-го перешли в Зант. В полночь на 21-е снялись с якоря и отправились в Пирей, куда прибыли 22 июня».

Вскоре туда прибыл и фрегат «Александр Невский», который должен был сменить «Олег» на Средиземном море. Дело в том, что в это время в Ницце скончался наследник российского престола великий князь Николай Александрович. Перевезти тело усопшего на родину было решено на кораблях российского флота. В силу этих событий «Александр Невский» был определен флагманским кораблем траурной эскадры. В состав эскадры был включен и «Олег». Поэтому, не теряя времени, Бирилев снимается с якоря и спешит на Мальту. После чего «Олег» присоединился к вышедшей из Ниццы траурной эскадре под командованием контр-адмирала Лесовского. Из-за противного ветра и зыби эскадра изрядно штормовала, прежде чем бросила якорь в Лиссабоне. Сюда подошел и английский броненосный фрегат «Дэфенс», отправленный королевой Викторией для сопровождения усопшего родственника. Чуть позднее к траурной эскадре присоединился и американский фрегат «Ниагара». В Копенгагене фрегат «Александр Невский» посетил король Дании с кронпринцем, тогда же к траурной эскадре присоединился и прусский фрегат «Виктория». У Гогланда эскадра Лесовского попала в приличный шторм, но, к счастью, без последствий.

У Кронштадта тело великого князя встречал весь Балтийский флот, выстроенный в кильватерную колонну от Толбухина маяка до траверза Петергофа. На флагманском линейном корабле «Император Николай Первый» развевался флаг адмирала Новосильского. За Кроншлотом стоял с приспущенными флагами отряд броненосных кораблей контр-адмирала Лихачева.

Сам император Александр II встречал гроб с телом сына на малом рейде у Лондонского маяка. Пристав на катере к «Невскому», он взошел на него и сразу уединился в каюте с гробом.

Затем на батарейной палубе «Александра Невского», временно превращенной в церковь, корабельный священник отслужил поминальный молебен, на котором, как флигель-адъютант императора, присутствовал и Бирилев. После этого, поблагодарив команду за службу, Александр II отъехал на катере в Петергоф, а «Олег» вошел в Кронштадтскую гавань для пополнения запасов.

Сопроводив усопшего наследника престола, фрегат вернулся в Ниццу, чтобы продемонстрировать Андреевский флаг у южных берегов Франции. За исполнение этой печальной миссии командир «Олега» был награжден сразу тремя орденами: Святого Владимира 3-й степени, греческим Спасителя и гессен-дармштадтским Филиппа Великодушного.

Каждому, даже самому длительному плаванию, когда-нибудь приходит конец. Настало время, и «Олег» снова устало бросил в воду стантовые якоря в Кронштадтской гавани.

В апреле 1868 года Бирилев был произведен в капитаны 1-го ранга и сразу же уволен в отпуск до выздоровления. К этому времени возобновились давние головные боли, и старая контузия требовала полного покоя. К тому же Бирилев мог наконец-то побыть вместе с Машей. Не задерживаясь в столице, он спешит в Овстуг – родовое имение Тютчевых, в тридцати верстах от Брянска, – живописный уголок с березовыми рощицами и зелеными холмами вокруг усадьбы, где его уже ждала молодая жена. Теперь Николай и Маша все время проводили вместе, словно предчувствуя, что судьба отвела им совсем немного времени.

В Овстуг часто навещался и сам Тютчев.

– Наш Бирилев – настоящее дитя природы! – часто иронизировал Тютчев над мужем своей дочери.

В этом была доля истины, рядом с великим поэтом обычный морской офицер действительно выглядел не слишком ярко. Федор Иванович Тютчев был человеком высшего света, часто принимаемым при дворе членами императорской семьи, посвященный во все дворцовые

и международные интриги. По отцовской и по материнской линии он происходил из именитых дворянских родов (мать Тютчева, Екатерина Львовна, была графиней Толстой, близкой родственницей Остерманов, в двух поколениях приближенных царского трона). Что уж говорить об образованности, эрудиции и интеллекте одного из выдающихся дипломатов и величайших поэтов России!

Что касается Бирилева, то он был прекрасный моряк, храбрый офицер и отличный честный малый, но при поэтических спорах и разговорах о высокой политике больше отмалчивался, а при философских и вовсе зевал в кулак.

Видя свое превосходство, Тютчев вскоре полюбил поддразнивать и высмеивать Бирилева в отсутствие последнего. В письмах он бывал еще резче: «Он (Бирилев. – *В.Ш.*) ведь полный идиот, особливо с утра...» При этом Тютчев дружил с сестрой Бирилева, образованной и умной Анной Благово.

Вслед за Федором Ивановичем начали высмеивать нового члена семьи и остальные домашние. Такое отношение к горячо любимому мужу очень обижало ранимую Машу, которой теперь почти каждый день приходилось выслушивать нотации:

– Как ты можешь любить такого неотесанного мужлана, да еще и больного на голову! То ли дело Яков Полонский – эстет и лирик!

Надо отдать должное молодой женщине. На такие слова, Маша, гордо вскидывая голову, неизменно отвечала:

– Мой муж – мой герой и другого рыцаря мне не надо!

Заметим, что Тютчев при всем этом, зная об особом отношении императора к Бирилеву, на людях весьма гордился родством с флигель-адъютантом, любимцем императора и национальным героем России. Друзьям он всегда с удовольствием показывал подарок зятя – письменный набор с ядром и картечной пулей из Севастополя. Этот дар до сих пор хранится в посвященной Тютчеву экспедиции музею Мураново.

30 января 1867 года у Бирилевых родилась дочь, названная по просьбе отца в честь ее матери – Марией.

Из письма Тютчева: «В прошлое воскресенье, то есть 30 января, Мари Бирилева в 7 часов вечера родила дочь, и, кажется, благополучно. По крайней мере, только до сих пор состояние ее удовлетворительно, но сегодня еще только третий день; я знаю по опыту, как в подобных случаях следует стараться слишком рано торжествовать победу. Что усилило тревогу, неразлучную с подобным происшествием, это то, что за два дня до этого бедный Бирилев испытал весьма неожиданно два сильных припадков, свидетельствующие о неослабном, вопреки всем лекарствам, продолжении болезни. Теперь он опять поправился и возвратился, по-видимому, в свое прежнее положение; но повторение припадков без всякой осязаемой причины все-таки не отрадн».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.